

ГЛАВА XXIX.

а слѣдующій день Хвостекъ, хотъ и обнадеживалъ себя тѣмъ, что кметы не посмѣютъ напасть на него, велѣлъ однако, по совѣту Брунгильды, приготовляться къ защитѣ. Женщины сносили камни на столбъ и на стѣны, а на башнѣ разставили стражей, чтобъ слѣдить за всѣмъ происходящимъ въ окрестностяхъ.

Князь, княгиня и смерды совѣщались въ избѣ.

— Они не посмѣютъ осуществить своего нападенія! увѣрялъ Хвостъ.

Брунгильда отчасти и соглашалась съ нимъ, но все же совѣтовала разсчитать свои силы. Людей оказалось довольно; вооруживъ ихъ, какъ слѣдуетъ, можно было надѣяться устоять противъ непріятели, хотя бы и въ десять разъ большаго. Столбъ былъ наполненъ запасами хлѣба и мяса. На совѣщаніи положено было, во всякомъ случаѣ, до тѣхъ поръ держаться, пока не подоспѣютъ саксонцы. Князь со смердою отправился осматривать все ли въ порядкѣ.

Огромная башня—княжескій столбъ, куда направился Хвостекъ, была возведена много лѣтъ тому назадъ. Люди рассказывали о ней чудеса. Она была выстроена изъ камня; бревна и деревянные доски раздѣляли ее на нѣсколько этажей.

Въ нижнемъ этажѣ хранились драгоценности и находились амбары съ хлѣбомъ. Подъ ними — темныя, сырыя ямы, вродѣ той, изъ которой вчера вывели Лешка, и колодезь, куда обыкновенно спускали осужденныхъ на голодную смерть. Слѣдующій этажъ весь былъ наполненъ камнями, необходимыми для защиты. Здѣсь тоже стояли бочки со смолою, которую зажигали и выливали на осаждающихъ. Этажемъ выше обыкновенно во время осады помѣщались стрѣлки, метавшіе камни и стрѣлы сквозь пробитыя, съ этою цѣлю, въ стѣнѣ бойницы отверстія. Около стѣнъ лежали цѣлыя кучи досокъ, бревень, камней и связки лучинъ. Въ подземельѣ, кромѣ колодца, помѣщались еще громадныя печи—для того, чтобы во время осады вода и хлѣбъ были всегда подъ рукою. Въ тѣ времена осада никогда не продолжалась особенно

долго, что вполне успокаивало Хвоста. Большею частью нападенія совершались стремительно и враги, захвативъ, въ случаѣ удачи, все что можно было съ собой унести, возвращались къ себѣ обратно.

Хвостъ все осматрѣлъ. Во время осмотра онъ не сказалъ ни одного слова.

— Не сѣмѣютъ они побѣдить меня здѣсь, эти собачьи сыны! думалъ онъ про себя, возвращаясь домой.

Князь снова легъ на скамью.

Ночь наступила, никто ни откуда не прїѣзжалъ, ни одной новой вѣсти. Въ окрестности полная тишина. Погода была свѣтлая, воздухъ чистый, озеро точно зеркало—даже лѣсъ вдали легко можно было разсмотрѣть. Часовые прохаживались взадъ и впередъ по стѣнамъ.

Среди такого покоя, одно лишь тревожило князя: собаки, взобравшись на насыпи, сажались тамъ и поднимали ужасный вой. Князь велѣлъ ихъ прогнать оттуда, бить, но и тѣмъ не заставилъ ихъ замолчать. Едва успѣвали прогнать ихъ съ одного мѣста, какъ онѣ моментально появлялись на другомъ; когда-же ихъ заперли въ сарай,—онѣ начали выть еще ужаснѣе. Вою собакъ аккомпанировали вороны на башнѣ. Цѣлыя стаи ихъ кружились около столба, каркая во все горло.

Послѣ полуночи—все уже спали, кромѣ часовыхъ—около моста раздались шаги. Кто-то началъ стучаться въ ворота. Ему отворили и провели въ избу. Это былъ старикъ Лисунъ, княжескій пастухъ, который, дрожа отъ страха, произносилъ какія-то безсвязныя, никому непонятныя, слова. Князь и княгиня были въ опочивальнѣ; люди не смѣли ихъ беспокоить и волей неволей пришлось ждать до утра. Князь послѣ дневной работы и простаго, но всегда обильнаго ужина, спалъ крѣпчайшимъ сномъ; да, впрочемъ, хотя бы и вздумали разбудить его, то врядъ ли добились бы путнаго слова, до такой степени онъ къ вечеру напивался. Всемъ были извѣстны привычки суроваго властелина: до полного вытрезвленія Хвостъ мало что понималъ; только приказывалъ вѣшать да убивать.

Лишь утромъ на слѣдующій день князь проснулся. Смердъ съ пастухомъ дожидались у порога. Лисунъ припалъ къ ногамъ князя.

— Князь ты нашъ милостивый — проговорилъ онъ: — случилось несчастье... Прислалъ ты ко мнѣ Хадона, чтобы дать ему лошадь. Едва успѣлъ онъ подойти къ табуну, какъ напали на него, кто ихъ знаетъ,—какіе-то кметы, слѣдившіе за нимъ издалека, и схватили его; схватили—да какъ пошли бѣднягу трясти, чтобы, значить, узнать, нѣтъ ли при немъ чего потайнаго, такъ и нашли у него золотой перстень. А тамъ связали да и въ лѣсъ повели. Онъ, правда, успѣлъ таки крикнуть мнѣ: дескать, бѣги скорѣе къ князю и расскажи, что случилось... Ужь и просилъ же онъ ихъ, угрожалъ даже—такъ куда,—не хотѣли и слушать! Надо быть тѣ, что его поймали, знали, доподлинно, кѣмъ и куда онъ былъ посланъ.

Князь такъ и взбѣсился!.. Замахнувшись на несчастнаго Лисуна, онъ навѣрное убилъ бы его на мѣстѣ, если-бы тотъ не упалъ на землю. Хвостъ

проклиналъ все и всѣхъ... Брунгильда, съ ребенкомъ на рукахъ, не знала какъ и унять супруга... Крикъ, шумъ, руготня—ходомъ ходили въ избѣ.

Хвостъ хотѣлъ сейчасъ же послать людей, чтобъ отбить Хадона у кметовъ, но, на несчастіе, кто именно были нападавшіе и куда повели плѣнника—Лисунъ не сумѣлъ объяснить. Впрочемъ, теперь и не время было людей высылать. Понимка Хадона ясно доказывала, что кметамъ заранѣе стала извѣстна цѣль его посланства; къ тому же они, какъ видно, совсѣмъ рѣшились открыто вести борьбу съ княземъ, иначе едва ли отважились-бы задержать его вѣрнаго слугу. Но все таки смерды отправились во всѣ стороны разыскивать подъ рукою Хадона и кстати собирать людей для защиты замка.

До полудня никто не показывался, съ башни тоже ничего не было видно подозрительнаго—князь нѣсколько успокоился. Княгиня раздумывала. Она дожидалась возвращенія людей, отвозившихъ Лешка, да, кромѣ того—Мухи, которому поручила пригласить къ князю двухъ его дядей—Мстивою и Забоя... Однако, до самой ночи такъ никто и не возвратился.

Во время переѣзда, слѣпой Лешекъ такъ-же упорно молчалъ, какъ и въ свѣтлицѣ княгини: онъ почти былъ увѣренъ, что провожатымъ его приказано было, завести его куда нибудь въ лѣсъ и убить. Словамъ Брунгильды Лешекъ не придавалъ никакого значенія. Только тогда онъ началъ себя бодрѣе чувствовать, когда очутился въ отцовскомъ домѣ, когда до его ушей долетѣли звуки давно не слышаннаго имъ рога и хорошо знакомаго голоса старика, стоящаго у воротъ. Увидѣвъ несчастнаго Лешка, всѣ домашніе бросились къ нему съ крикомъ, оглашая воздухъ радостными, но въ тоже время и печальными возгласами. Они на рукахъ понесли его къ старику отцу.

Милошъ ничего не зналъ о происшедшемъ въ замкѣ. Онъ лежалъ на постели, когда въ избу вносили слѣпого. На шумъ у дверей онъ всталъ съ постели, медвѣдь, лежавшій у ногъ его, заворчалъ, мать выбѣжала изъ соседней избы... Старуха первая бросилась сыну на шею, обнимая и покрывая всего поцѣлуйми. Милошъ присѣлъ: онъ никакъ не могъ сообразить, что случилось,—не сонъ ли все это?

Когда, наконецъ, родители увидѣли своего сына такъ жестоко изуродованнымъ, хотя ужъ и то можно было считать за счастье, что удалось ему вырваться изъ кровожадныхъ рукъ князя—ими овладѣлъ ужасный гнѣвъ съ примѣсю самаго безграничнаго отчаянія. Они проклинали князя, обливая слезами несчастнаго Лешка, котораго усадили на землю, на разосланной шкурѣ. Старый медвѣдь подошелъ къ нему, началъ лизать ему ноги и, какъ собака, ласкаться къ давно невиданному имъ господину.

Долго въ избѣ раздавались стоны и плачь.

Наконецъ обратились къ Лешку съ разпросами.

— Что же я вамъ скажу—отвѣтилъ Лешекъ:—знаю я очень немного; помню одно только то мгновеніе, какъ палачъ подошелъ ко мнѣ съ цѣлью выколоть мнѣ глаза, какъ ножомъ вылушилъ онъ сперва правый глазъ, бро-

силъ его на землю и раздавилъ ногою! О, еслибы мнѣ хоть одинъ глазъ оставили! Но нѣтъ, другому суждено было идти вслѣдъ за первымъ; я слышалъ, какъ онъ ударился объ полъ вмѣстѣ съ оторваннымъ кускомъ мяса... Теперь я полуживой слѣпецъ; остались у меня только двѣ впадины для того, чтобы ручьями лить слезы о горькой своей судьбинѣ!..

Отецъ и мать рыдали безъ удержа... Слепецъ продолжалъ:

— Бросили потомъ меня въ какую-то сырую яму, на гнилую солому... Изрѣдка подавали грязную, затхлую воду да немного гнилыхъ сухарей.— Удивляюсь—какъ я еще живъ остался!.. Наконецъ вчера услышалъ я надъ собою женскій, хорошо мнѣ знакомый голосъ, сладкозвучный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страшный—точно шипѣніе змѣи... Брунгильда пришла мнѣ сказать, что несчастье мое произошло не по ихъ винѣ, что никто не приказывалъ лишать меня зрѣнія, что палачъ самъ осмѣлился сдѣлать это... Теперь они просятъ у васъ прощенья и хотятъ съ вами мириться..

— Никогда! глухимъ голосомъ произнесъ Милошъ. — Теперь когда кметы имъ угрожаютъ, когда мы оказываемся имъ нужны — теперь только вздумали они протянуть намъ руку... Слишкомъ поздно!.. Я не пойду за одно съ кметами, но и не помирюсь съ палачами моихъ сыновей!

Мать снова припала къ своему дѣтищу, прижимала его къ груди, утѣшала, ласкала его... Отецъ тоже старался ободрить Лешка... Слугамъ приказано было оставить избу, закрыть ворота... Затѣмъ все утихло.

На слѣдующій день дряхлая мать водила слѣпаго сына подъ тѣнь старыхъ дубовъ, помнившихъ его дѣтство... И горько плакали они вдвоемъ, вспоминая счастливое время...

Обычной чредой потянулись дни. На третье утро, съ тѣхъ поръ какъ вернулся Лешекъ, кто-то постучался въ ворота, затѣмъ раздался звукъ рога, оповѣщающій прибытіе гостей. Милошъ по одному этому звуку догадался, что къ нему прибыли его братья Мстивой и Забой.

Слуги побѣжали къ воротамъ. Старикъ не ошибся: то дѣйствительно оказались родные братья его, въ сопровожденіи сыновей и семействъ.

Милошъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу, ведя за собой ослѣпленнаго сына. Всѣ молча перездоровались, послѣ чего усѣлись отдохнуть подъ дубами. И Мстивой и Забой оба насчитывали себѣ порядочное количество лѣтъ, но загорѣлыя лица, желѣзный складъ тѣла и суровое выраженіе глазъ свидѣтельствовали, что жизнь въ нихъ далеко еще не угасла...

— Милошъ!—обратился старшій изъ братьевъ къ хозяину:—мы прибыли къ тебѣ за совѣтомъ... Пепелекъ зоветъ насъ къ себѣ, хочетъ съ нами мириться! Кметы угрожаютъ ему нападеніемъ... Если мы нужны ему, то, по правдѣ, и онъ намъ необходимъ. Когда-то мы съ нимъ воевали, теперь наступило время забыть раздоры—соединиться противъ общаго всѣмъ намъ врага. Онъ погибнетъ—и мы всѣ погибнемъ!..

— Да,—прибавилъ Забой:—долго мы совѣщались; наконецъ, остановились на томъ, что слѣдуетъ ѣхать къ нему. Поддержавъ его, мы вмѣстѣ съ тѣмъ и себѣ поможемъ.

Милошъ угрожающе поднялъ вверхъ руку.

— Мнѣ ужъ никто не поможетъ!—крикнулъ онъ.—Взгляните на моего сына! Убилъ одного, выкололъ другому глаза, чтобъ дольше, знать, мучился!.. Нѣтъ, и не напоминайте про дружбу съ этимъ чудовищемъ!.. Пусть пропадаетъ онъ, я, всѣ мы... Этимъ себѣ и поможемъ, а чтобы отправиться къ нему лизать его ноги, нужно быть развѣ собаками... Да будетъ проклята эта гадина!..

Наступила мгновенная тишина. Мстивой смотрѣлъ въ землю; Забой съ участіемъ, съ полными слезъ глазами, взглядывалъ на бѣднаго Лешка.

— Коль скоро онъ насъ приглашаетъ—отказаться нельзя,—проговорилъ Мстивой:—такъ или иначе, а надо къ нему отправиться; поѣдемъ! Посмотримъ, что у него тамъ творится...

— Чтобы тамъ у него не творилось,—возразилъ Милошъ:—поѣдете вы—или нѣтъ, меня оставьте въ покоѣ!.. Я не пристану къ кметамъ, я князь и не намѣренъ якшаться съ ними, но съ Пепелкомъ не желаю встрѣчаться! Случись я на разстояніи меча отъ него—онъ заплатилъ бы жизнью!..

Старикъ погрозилъ рукою по направленію къ Гонлу.

Послѣ него никто не осмѣлился произнести ни одного слова. Мстивой и Забой подошли къ Лешку и съ участіемъ разсматривали его.

Долго еще затѣмъ продолжалась подъ дубами тихая бесѣда. На слѣдующій день рано утромъ оба брата отправились со своими людьми къ князю.

Здѣсь долго уже нетерпѣливо ожидали ихъ пріѣзда. Муха, вернувшись, передалъ, что они согласны видѣться съ княземъ, передалъ также и то, что они предполагали захватъ за Милошемъ. Послѣдняго, однако, мало надѣялись видѣть. Ночь наступила; разставили часовыхъ—собаки попрежнему подняли вой, вороны попрежнему каркали. Брунгильда велѣла съ башни слѣдить не подѣзжаютъ ли дяди къ столбу.

Всѣмъ какъ-то было жутко: люди, животныя чуяли близившуюся грозу. Всѣ ласточки, покинувъ гнѣзда свои—разлетѣлись; долго онѣ кружились вокругъ домовъ, потомъ вокругъ башни, наконецъ, собравшись всѣ вмѣстѣ, перелетѣли на другой берегъ озера. Лошади ржали, коровы ревѣли невыносимо. Ночь, однако, прошла спокойно; румяная заря оповѣстила наступающій день.

Княгиня съ раннаго утра суетилась по хозяйству, желая принять, какъ подобаетъ, такихъ высокихъ гостей. Она сама насбирала зелени, варила пищу и приготавливала напитки; мясо жарилось на вертѣлахъ, изъ погребовъ то и дѣло носили бочки съ медомъ. Свѣжевали козу, наловили рыбы, напекли калачей и праздничныхъ булокъ, чтобъ всего было вдоволь.

Солнце ужъ было высоко, когда у опушки лѣса показались всадники, которыхъ узнали въ замѣхъ по сѣдымъ бородамъ и по сопровождавшей ихъ свитѣ. Впереди ѣхали старики, за ними сыновья и родственники, а дальше слуги. Ни на комъ не было видно праздничныхъ одеждъ; казалось, это было

сдѣлано съ цѣлью, чтобы, на случай чего, выдать себя за кметовъ. У всѣхъ замѣчалось много оружія.

Они приближались не торопясь; увидя, что Хвостекъ самъ вышелъ на встрѣчу и съ обнаженной головой стоялъ у моста, вновь прибывшіе сошли съ лошадей и пѣшкомъ направились къ князю. На крыльцѣ ждала Брунгильда, блѣдная отъ волненія, въ красивомъ, шитомъ золотомъ и серебромъ, нарядѣ. Съ необычайными помпой и почестями повелъ князь своихъ гостей въ замокъ: всѣ молчали; прїѣзжіе, видимо, были поражены—они не ожидали такого блестящаго приѣма. Ихъ ввели прямо въ свѣтлицу, гдѣ усадили за столъ, приглашая отдохнуть, поѣсть и попить.

Хвостекъ, прервавъ молчаніе и помня совѣты жены, началъ о томъ, что теперь на землѣ чудеса творятся, что злые духи опутываютъ людей и послѣдніе становятся все хуже и хуже; затѣмъ перешелъ къ тому, что кметы осмѣлились возстать противъ него, что собираются они на совѣты въ лѣсахъ; въ заключеніе просилъ у дядей помощи словомъ, относительно того, какъ ему быть и что предпринять?

Мстивой долго молчалъ,—наконецъ, первый проговорилъ:

— Что предпринять? Прежде не вуждались вы въ нашемъ словѣ, а теперь ужъ не поздно ли? Какъ только кметы начали созывать вѣче, надо было отправиться къ нимъ, позвать на сходъ старѣйшихъ изъ нихъ, разспросить, выслушать жалобы и главное не давать разгораться страстямъ.

Забой высказался въ томъ же духѣ.

Хвостъ слушалъ, опутивъ голову; нахмурившись онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ у насъ такого обычая, чтобы господинъ торговался съ своими слугами! Пусть будетъ, что будетъ, я же не способенъ на это!

Мстивой началъ убѣждать князя, что прежде, чѣмъ рѣшиться на что-нибудь, слѣдуетъ все хорошенько обдумать и взвѣсить; противъ теченія плыть не приходится, и если дѣло дойдетъ до открытой войны—на сторонѣ кметовъ окажутся численность и силы ужасныя.

Поочереди говорили и младшіе родственники, безъ исключенія, впрочемъ, вторившіе Мстивому; всѣ совѣтовали жить въ дружбѣ съ кметами, мирно, согласно, не раздражая ихъ.

Князь взглянулъ на свою жену; она незамѣтно пожала плечами и оба молчали; совѣты не пришлись имъ по вкусу. вмѣсто отвѣта они усердно начали предлагать гостямъ ѣду и питье.

Разговоръ перешелъ на охоту, на разныя постороннія дѣла событія. Но Мстивой скоро вернулся къ оставленному предмету.

— Коли просили нашего слова,—началъ онъ:—слѣдуетъ и выслушать до конца. Вы слишкомъ сурово обращались съ людьми, не мало пролили крови; по вашей винѣ мы тоже терпѣли, но до сихъ поръ не жаловались. Не какъ князей, а какъ самую подлую чернь, смерды давили насъ, брали все, что ни вздумается, мучили насъ, какъ и сколько имъ было угодно. Если они не боялись поступать такъ съ роднею князя, то что же могли другіе отъ нихъ ожидать! Смерды рѣзали, грабили кметовъ; отнимали у нихъ стада,

табуны, женщин насильовали. Послѣ этого удивительно ли, что они помышлять чинають о томъ, какъ бы избавиться отъ подобныхъ золь?

Хвостекъ съ княгиней упорно молчали. Последняя оставила вскорѣ избу и долго не возвращалась. Князь слушалъ, не отвѣчая ни слова. Онъ до крови искусалъ себѣ губы и нервно пощипывалъ бороду.

— Что сдѣлано — сдѣлано, того не воротить и это ужъ мое дѣло — сказалъ онъ, выждавъ удобный моментъ: — а теперь я васъ объ одномъ спрашиваю. Въ случаѣ, если дѣло дойдетъ до открытой борьбы — къ какой сторонѣ вы пристанете — будете за меня или противъ?

Мстивой и Забой обмѣнялись взглядами. Казалось, каждый изъ нихъ желалъ предоставить другому отвѣтить на этотъ вопросъ. Хвостъ переводилъ глаза съ одного на другого. Наконецъ Мстивой проговорилъ первый:

— Ни съ тобою, ни противъ тебя мы не будемъ сражаться. — Съ мстами на свой родъ нападать не приходится потому, что все жъ свою кровь, какая бы она ни была, мы умѣемъ цѣнить — а съ тобою тоже соединиться не можемъ потому, что вѣдь намъ жизнь и мила и дорога. Да мы и помочь вамъ не въ состояніи. Мы какъ сидѣли, такъ и будемъ сидѣть по домамъ — какое намъ дѣло до вашихъ ссоръ?

— Конечно, — ворчалъ Хвостъ: — конечно, умныя рѣчи!.. Меня смѣнять, а на мое мѣсто посадить когонибудь изъ васъ! И язвительно захохоталъ, поглядывая на дверь, у которой въ это время показалась Брунгильда.

— Но вы ошибаетесь — прибавилъ онъ: — меня не будетъ и васъ тоже не будетъ! Имъ понравится, вѣрьте, волчья свобода, а тогда прогнать и васъ. Увидите.

— Помогайте намъ, идите съ нами рука объ руку, прибавила Брунгильда.

— Мы не въ состояніи этого сдѣлать, — замѣтилъ Забой: — Милошъ, у котораго одного сына вы убили, другому выкололи глаза, проклялъ бы насъ; отрекся бы отъ своихъ братьевъ...

— Да, да! повторили остальные всѣ въ одинъ голосъ. — Ни съ вами, ни противъ васъ!

Князь посмотрѣлъ на жену и не отвѣчалъ.

Старый медъ оказалъ свое дѣйствіе: гости начали говорить все смѣлѣй и смѣлѣй, молодые парни и тѣ стали жаловаться на свою судьбу.

Хвостекъ, на котораго жена безпрестанно кидала взгляды, какъ бы съ помощью ихъ управляя мужемъ, ничего не отвѣтилъ... Онъ только моталъ головою, водилъ плечами и просилъ всѣхъ угощаться усердиѣ.

Пиръ былъ въ самомъ разгарѣ, когда Брунгильда, замѣтивъ что кубки пустѣють, вышла изъ избы. Вскорѣ она вернулась; за нею служанка несла большой горшокъ съ золотистымъ медомъ, который, по указанію Брунгильды, и поставила по самой серединѣ стола. Брунгильда объяснила, что медъ этотъ былъ ею въ то время еще приготовленъ, когда у нихъ родился первый ребенокъ, причемъ увѣряла, что лучшаго невозможно нигдѣ найти. Приглашая

попробовать, она начала разливать его въ кубки. Среди общей суматохи княгиня себѣ и мужу налила меду изъ другого горшка. Гости не замѣтили этого, пили, хвалили медъ, вкусъ его и прелестный запахъ.

Хвостекъ молчалъ. Старики начинали было ужь думать, что имъ удалось уломать его. Княгиня все подливала меду.

Заходящее солнце глянуло въ окна.

— Эхъ!—сказалъ Мстивой, поставивъ свой кубокъ на столъ, будетъ съ меня! Старый медъ жгетъ мою внутренность, а голова у меня слабая; вообще я предпочитаю воду.

— И я тоже,—прибавилъ Забой:—мало того, что жгетъ, но я такъ напился, что право совѣстно, такъ и воротить всю внутренность!

Въ эту минуту одинъ изъ молодыхъ гостей, шатаясь, привсталъ; блѣдный какъ полотно, онъ схватился за грудь и крикнулъ:

— Измѣна! Это не медъ, это ядъ! Ядъ! Медъ такъ не жгетъ—мы отравлены!..

За нимъ и всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ, хватаясь за оружіе; старикъ Мстивой хотѣлъ тоже встать, схватился за столъ, но тотчасъ же со стономъ свалился на землю. Забой посмотрѣлъ на Хвостка. Кровожадный извергъ оскалил зубы, глаза его блестѣли дикою радостью. Гости одинъ за другимъ падали на полъ. Ужасныя муки терзали несчастныхъ. Князь и Бругильда сидѣли спокойно, и молча смотрѣли на страшное зрѣлище. Хвостъ только недовѣрчиво покачивалъ головою.

— Таковъ конецъ вашего царствованія! крикнулъ онъ наконецъ, покатываясь отъ смѣха.—Не хотѣлось вамъ встать за меня, вздумалось лучше быть за одно съ кметами! Погибайте же тутъ! Кметы, желавшіе посадить васъ на мое мѣсто, пусть-ка теперь сажаютъ трупы! Ни одинъ изъ васъ живымъ не выйдетъ отсюда! Княгиня умѣетъ готовить славный медъ! Издыхайте, несчастные!

Мстивой и Забой не проронили ужь болѣе ни единого слова. Стыдно имъ было жаловаться. Старшій наклонилъ голову, стиснулъ зубы, посмотрѣлъ на своихъ сыновей, тихонько, едва слышно, вздохнулъ, и закрылъ глаза, а слезы такъ и катились по блѣднымъ щекамъ. Молодые люди прижались одинъ къ другому, обвиняя другъ друга руками... И имъ стыдно было стонать и жаловаться: старики—и тѣ молча выносили страданія. Въ избѣ раздавался тяжелый храпъ умирающихъ, головы которыхъ при паденіи ударились со стукомъ о деревянный полъ... Сперва начала умирать молодежь; затѣмъ Мстивой упалъ навзничъ, съ пѣною у рта... У ногъ его лежалъ его сынъ; другой сынъ еще боролся со смертью, но скоро и тотъ скончался. Забой обѣими руками держался за столъ: ужасная боль въ груди, томила несчастнаго; онъ неистово метался по сторонамъ... Наконецъ, и онъ мгновенно, какъ отъ удара грома, свалился на полъ, вмѣстѣ съ скамьею. Одинъ за другимъ умирали несчастные гости князя, онъ же спокойно смотрѣлъ на происходившее.

Таскали за ноги тѣла несчастныхъ стариковъ. (стр. 195).

Вдругъ лицо его какъ-то осунулось, ужасъ отразился въ глазахъ: онъ испугался собственнаго дѣянiя и, какъ бы ища поддержки, взглянулъ на Брунгильду, которая съ невозмутимымъ спокойствiемъ прибирала со стола кубки, передавая ихъ улыбающейся служанкѣ.

Потомъ Брунгильда открыла окно и позвала людей.

Смердъ вошелъ въ избу, но, взглянувъ на полъ, усѣянный трупами, поблѣднѣлъ и затрясся...

Князь, указывая ему на умершихъ, сказалъ:

— Съ глазъ убрать! Побольше людей, да сложить ихъ въ кучу! Костра не надо... Просто закопать въ землю!

Смерда не двигался съ мѣста. Князь повторилъ свое приказанiе, прибавивъ:

— Вынести прочь эту падалъ! Скорѣе! Что жъ ты такъ вытаращилъ глаза? Вытащить за ноги и зарыть надъ озеромъ... Да яму сдѣлать поглубже, чтобъ собакамъ не вздумалось вырыть... Еще, пожалуй, отравятся!.. Собакъ-то, вѣдь, жалко!..

Ночь наступила, когда изъ свѣтлицы таскали за ноги тѣла несчастныхъ стариковъ и едва развившихся ихъ дѣтей... Пьяные слуги сперва подшучивали надъ жертвами княгини, потомъ бросились срывать съ нихъ одежды, ставшія имъ добычею. Тамъ и сямъ поднималась драка изъ-за лучше одѣтаго трупа. Отовсюду сбѣгались люди посмотрѣть на покойниковъ и помочь слугамъ. Тѣмъ временемъ другіе вязали оставшихся еще на свободѣ слугъ умерщвленныхъ и запирали ихъ въ сарай подъ замкомъ.

Старикамъ-князьямъ подобали костеръ и могила, но Хвостъ не хотѣлъ жечь тѣла, а о тризнѣ и не подумалъ. Да и времени у него не было думать объ этомъ. Ихъ, просто на просто, закопали въ землю, какъ животныхъ, чтобъ сгнили въ землѣ и служили пищею для червей,—а это, въ тѣ времена считалось великимъ позоромъ.

Внезапно, какъ разъ когда слуги такъ безсердечно влачили по двору тѣла жертвъ княжеской злобы, со стороны лѣса, не смотря на совершенно чистое небо, поднялся вѣтеръ и, съ сильнымъ порывомъ, пронесся надъ замкомъ...

Хвостъ вздрогнулъ... Испуганными глазами обвелъ онъ окрестности, затѣмъ торопливо вошелъ въ избу... Здѣсь онъ бросился на скамью, весь еще подъ вліяніемъ безотчетнаго страха.

Брунгильда стояла у стола и мыла себѣ руки... Во взглядѣ, которымъ она посмотрѣла на мужа, ясно читалась жалость, близко граничащая съ презрѣніемъ.

ГЛАВА XXII.

Между тѣмъ, пока слуги, исполняя приказаніе князя, очищали дворъ и сглаживали слѣды происшедшаго, Жула, староста Мстивоя, предвидя, что и его ожидаетъ плачевная участь, припалъ къ землѣ, осторожно проползъ къ кустамъ, росшимъ у самой стѣны, спрятался въ нихъ и, никѣмъ не замѣченный, взобрался на стѣну; потомъ, соскочивъ съ нея, онъ бросился въ озеро, съ цѣлью переплыть на другой берегъ. Слуги, занятые своимъ дѣломъ, не обратили вниманія на это бѣгство, не слышали даже всплеска воды... Караулившіе на башнѣ оказались бдительнѣе—они начали стрѣлять по плывшему Жулѣ, подняли крикъ; но пока собирали погоню, Жула успѣлъ добраться до противоположнаго берега, и тамъ, замѣтивъ пасшихся лошадей, вскочилъ на одну изъ нихъ и быстро помчался по направленію къ лѣсу...

Пастухи, которымъ принадлежала лошадь, уведенная Жулою, бросились было за нимъ въ догонку, но скоро отстали. Ногами и руками понукалъ всадникъ испуганное неожиданностью животное; какъ шальное скакало оно, не взирая ни на какія препятствія и убавило шагъ только когда очутилась въ лѣсу... Здѣсь всякіе розыски оказывались напрасными...

Жула направился прямо къ Милошу, онъ хотѣлъ спасти хотя одного изъ погибшей семьи... Не трудно было предположить, что Пешелекъ, освободившій ослѣпленнаго Лешка единственно для того, чтобъ привлечь отшатнувшуюся родню снова на свою сторону, не оставитъ и Милоша въ покоѣ...

По пути бѣглецу встрѣтилось нѣсколько кметовъ, которые съ удивленіемъ провожали его глазами... Жула, не останавливаясь, успѣлъ лишь сказать имъ:

— Всѣ Лешки погибли—отравлены... Одинъ Милошъ, съ слѣпымъ своимъ сыномъ, остались въ живыхъ!...

Съ быстротою молніи облетѣла печальная новость эта всѣ уголки, гдѣ скрывались кметы...

Жула, между тѣмъ, скакалъ безъ усталости... При первой возможности,

онъ бросилъ свою уставшую лошадь, перемѣнилъ ее на другую и снова по-мчался впередъ...

Въ дубовой рощѣ, окружавшей жилище Милоша, сидѣла старуха мать съ своимъ сыномъ, несчастнымъ Лешкомъ, котораго она, какъ ребенка, забавляла разказами. Немного въ сторонѣ отдыхалъ Слованъ; онъ нарочно былъ приглашенъ, чтобы пѣснями развлекать бѣднаго страдальца. Милошъ находился тутъ же: онъ, какъ всегда, подперши руками сѣдую голову, думалъ невеселую думу... Вдругъ у воротъ раздался стукъ и зовъ чей-то. То появился Жула. Его сейчасъ же встрѣтили, узнавъ въ немъ старосту Мстивоя. Онъ соскочилъ съ лошади и, съ понуреннымъ видомъ, приблизился къ Милошу... Съ лица его капалъ потъ, губы нервно дрожали; кинувшись старику въ ноги, и не будучи въ состояннн произнести ни одного слова, онъ рыдалъ какъ ребенокъ.

Милошъ было не призналъ его и неудивительно — дорога и сильное горе порядочно-таки измѣнили бѣднягу.

— Князь, господинъ нашъ,—такъ началъ Жула, ломая руки:—ты одинъ у насъ и остался только... Не хотѣли слушаться твоихъ добрыхъ совѣтовъ наши милостивые князья, вотъ и погибли... Хвостъ съ своей нѣмкою отравили ихъ на пиру, въ собственномъ домѣ, отравили своихъ гостей!..

Милошъ всталъ съ земли, но, обезсиленный выслушаннымъ извѣстiемъ, снова на нее опустился; Жула продолжалъ:

— Едва и я успѣлъ жизнь спасти, чтобъ прійти рассказать вамъ объ этомъ... Уходите скорѣе отсюда!.. Сначала-то приняли насъ у князя любовно; Хвостъ самъ вышелъ на встрѣчу... Всѣ успѣлись у стола; хозяйева угощали; ѣда и питье длились долго... Только встать-то изъ-за стола никому не было суждено; всѣ какъ сидѣли, такъ и свалились на полъ... Какъ собаекъ закопали ихъ въ землю, костра даже пожалѣли... Только псы одни и повыли... Потомъ перевязали нашихъ людей... Самъ я не знаю, какъ удалось мнѣ уйти оттуда!... Теперь, когда стали ясны намѣренiя князя—видно, что онъ и на васъ, милостивецъ, нападенiе задумываетъ... Нужно бѣгствомъ спасаться!..

— О, братья мои, о родъ мой, несчастный!—воскликнулъ Милошъ:—до чего же дошло, наконецъ. Гибель отъ Дуки сродника!.. Куда и зачѣмъ мнѣ бѣжать? Захочетъ убить—отыщеть всюду!..

Эти слова услышали Лешекъ и мать, сидящая возлѣ него. Оба они начали горько плакать, предчувствуя бѣдствiе... Слуги, узнавъ обо всемъ, тоже подняли невообразимый крикъ. Одинъ Милошъ угрюмо молчалъ.

— Судьбы не обойдешь!—проговорилъ онъ наконецъ.

Въ эту минуту взглядъ старика упалъ на сына: жаль ему стало страдальца и въ душѣ онъ проклялъ его палачей. На зовъ Милоша начали собираться со всѣхъ сторонъ люди. Мать, взявъ за руку своего сына, подвела его къ отцу. Все засуетилось, забѣгало...

— Приготовить лошадей,—приказалъ старикъ:—я самъ выѣду... Лешекъ съ матерью и слугами поселятся на время въ лѣсу, тамъ, гдѣ па-

сѣка... я же поѣду дальше!.. Поднимать на своихъ руку!.. Родную кровь проливать!.. О судьба, горькая судьба!..

Между тѣмъ Жуль, изнемогавшему отъ голода и усталости, принесли хлѣба и пива. Старый Милошъ, столько лѣтъ пролежавшій въ бездѣйствіи, казалось, вспомнилъ юные годы. Откуда-то у него снова явилась прежняя сила. Онъ поднялся съ постели, выпрямился во весь ростъ и велѣлъ подать себѣ мечъ, лукъ и стрѣлы.

Изъ конюшенъ выводили лошадей, люди приготовлялись въ дорогу, Милошъ отдавалъ приказанія, суетился—жизнь закипѣла въ дубовой рошѣ.

Сборы быстро окончились. Лешекъ уѣхалъ въ сопровожденіи старухи матери и двухъ парней. Милошъ выступилъ во главѣ десяти всадниковъ. Всѣми забытый Слованъ поднялся тоже съ мѣста, велѣвъ вожаку-ребенку вести себя куда глаза глядятъ, къ добрымъ людямъ.

Никто не зналъ, куда направился князь. Съ нимъ былъ и Жула. Еще недавно убитый горемъ, почти разслабленный, старый Милошъ вдругъ измѣнился: онъ такъ-же бодро сидѣлъ на конѣ, какъ въ далекіе дни своей молодости. Видно несчастіе придало ему силъ.

На ночь всадники пріютились въ лѣсу. Здѣсь они раскинули ставку Милошъ, распорядившись зажечь огни, легъ отдохнуть въ шалашѣ, наскоро собранномъ изъ вѣтвей и сухихъ прутьевъ; уснуть онъ однако не могъ.. Всю ночь на пролетъ терзали его тяжелыя думы и съ разсвѣтомъ онъ первый былъ на ногахъ... По данному имъ сигналу, тронулись въ путь.. Второю день, какъ и первый, всѣ ѣхали молча: старикъ молчалъ, не смѣли говорить и другіе... Жула наконецъ догадался, что Милошъ держалъ путь на Ледницу.

Вдали ужъ виднѣлось озеро, когда всадники встрѣтили нѣсколькихъ кметовъ. Попавшіеся имъ на встрѣчу были съ ногъ до головы вооружены. Узнавъ Милоша, одинъ изъ нихъ, Стиборъ, подошелъ къ нему.

— Ты съ нами, князь? спросилъ Стиборъ.

— Я... съ местию, не съ вами—угрюмо отвѣтилъ Милошъ. . Гдѣ мечь—тамъ и я!

— Мы тоже идемъ мстить Хростеку,—началъ Стиборъ:—кметы собираются на Ледницѣ... Будь нашимъ вождемъ, князь милостивый...

— Вождемъ вашимъ я быть не могу и не буду,—отвѣтилъ Милошъ:—развѣ рукою!.. Какъ князю, мнѣ съ вами за одно стоять не приходится... Да и въ головѣ у меня мечь лишь одна!..

Сказавъ это, Милошъ оставилъ Стибора и двинулся къ озеру. Кметы шли слѣдомъ. На водѣ виднѣлись лодки, наполненныя переправлявшимися на островъ. Лошади остались на берегу подъ присмотромъ слугъ.

Милошъ и Жула вошли въ хижину рыбака, чтобъ потребовать лодокъ, но всѣ рыбаки были заняты перевозомъ и, волей не волей, пришлось подождать. Милошъ сѣлъ на землю. Кметы окружили его, но онъ на нихъ не смотрѣлъ.

Кметы шумѣли, спорили, жаловались. Старшій Мышко, съ обвязанной шеей, какъ видно, въ средѣ своихъ игралъ главную роль.

Всѣ собрались сюда съ цѣлью выслушать совѣтъ стараго Визуна. Къ тому же на Ледницѣ безопаснѣе было разсуждать о дѣлѣ, нежели на городищѣ, гдѣ каждую минуту слѣдовало опасаться внезапнаго нападенія. Поотдаля стоялъ Бумирь съ своими сторонниками. Ни для кого не было тайною, что Бумирь всегда былъ готовъ поддерживать Хвостека. Когда Стиборъ и Мышко отошли отъ князя, не желавшаго говорить съ ними, къ нему подошелъ Бумирь.

— Ты, князь,—проговорилъ онъ почти шопотомъ:—навѣрное не думаешь соединиться съ этими кметами... Что можетъ быть у тебя съ ними общаго? Я служу своему господину и роду Лешковъ, къ которому самъ принадлежу.

Милошъ взглянулъ на Бумира.

— Если ты за одно съ этимъ убійцею, что живетъ надъ Гопломъ—уходи прочь отъ меня!

Онъ сдѣлалъ рукою повелительный жестъ.

Бумирь нѣсколько отступилъ, затѣмъ продолжалъ:

— Ты, князь... Тебѣ бы тоже слѣдовало защищать своего племянника... Ты возразишь мнѣ, пожалуй, что онъ велѣлъ убить твоего сына?—Ну да, положимъ; такъ что жъ изъ этого? Вѣдь твои сыновья возстали противъ него, стали для него опасными людьми!.. Заяцъ и тотъ защищается, когда собаки на него нападутъ...

— Князь умертвилъ Мстивоя и Забоя,—но вѣдь они ему въ глаза сказали, что жить въ ладахъ съ нимъ не желаютъ.. А гдѣ найдешь ты человѣка, который былъ бы себѣ врагомъ?..

Милошъ молчалъ; Бумирь снова началъ:

— Что жъ выйдетъ изъ того, что они собираются и подстрекаютъ другъ друга вооружиться противъ князя?.. Ничего они не сумѣютъ сдѣлать,—только головъ лишатся.. Князь обратится къ нѣмцамъ, тѣ—прійдутъ и уничтожатъ насъ, а землю нашу раззорятъ въ конецъ. .

Долго еще говорилъ Бумирь; Милошъ, въ отвѣтъ—хотя бы слово! Замѣтивъ, что къ берегу причалила освободившаяся лодка, онъ кликнулъ Жулу и вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ нее; усталый рыбакъ ни за что не соглашался сейчасъ же перевезти ихъ на островъ. Тогда Жула самъ схватилъ весло и отвалилъ отъ берега. Когда они приблизились къ острову, глазамъ ихъ представилось необыкновенное зрѣлище: цѣлыя толпы кметовъ, точно на вѣчювомъ собраніи, галдѣли, бѣгали, суетились, поднимая крикъ, по временамъ доходящій до брани. Старикъ Милошъ вышелъ на берегъ, и молча, ни съ кѣмъ не здороваясь, ни на кого не обращая вниманія, прямо направился къ мѣсту, гдѣ стоялъ Визунъ, окруженный жупанами, владыками, кметами...

Не проронивъ ни одного слова, князь сѣлъ среди нихъ на большомъ камнѣ. Нѣсколько дальше занялъ мѣсто только что прибывшій со своими приверженцами Бумирь.

Старый Визунъ, опираясь обѣими руками на палку, прислушивался ко всему, что вокругъ него говорили. Мышки кричали громче всѣхъ. При появленіи Милоша, всѣ на него взглянули, слегка посторонились, но, впрочемъ, особеннаго вниманія не обратили.

Старшій Мышко, съ обвязанною шею, говорилъ:

— Довольно! Будетъ ужъ съ насъ убійствъ—послѣдствій нѣмецкаго господства! Хвостекъ сидитъ въ замкѣ, но не онъ правитъ, а эта баба-яга, которая подготавливаетъ ядъ и измѣны... Не нужно намъ ни его, ни его сыновей, никого изъ ихъ рода! Достаточно напильсь они нашей крови!

— Пусть они пропадаютъ! кричали другіе.—Намъ ихъ не нужно!

Глаза всѣхъ устремились въ сторону Бумира, который весь поблѣднѣлъ, но не отступилъ ни на шагъ.

Милошъ слушалъ, опустивъ голову въ землю.

— Чего это вы витаращили на меня глазища?—воскликнулъ Бумиръ послѣ минутнаго молчанія:—я васъ не боюсь... Вы точно корова, которая громко мычитъ, а молока не даетъ... Хвостекъ и нѣмка не такъ-то легко отдадутся вамъ въ руки! Начнете войну, они призовутъ нѣмцевъ, раззорятъ васъ—вотъ вамъ и будетъ выгрышъ!..

Бумиръ зло засмѣялся.

— Саксонцы живутъ не близко! коротко пробурчалъ Милошъ.

— Да! Но башня крѣпка, замокъ обведенъ частоколомъ, насыпи твердая, въ озерѣ воды довольно,—возразилъ Бумиръ:—у князя дружина и большая, и смѣлая! Хотя бы пришлось цѣлый годъ дожидаться саксонцевъ—съ голода не помрутъ!.. Не взять вамъ Хвостека, нѣтъ!.. Впрочемъ, хотя бы и удалось его захватить, что жъ изъ этого? У него есть два сына, живущіе въ нѣмецкой странѣ! Какъ прійдутъ они, да покажутъ вамъ, что значить воевать, тогда и узнаете!..

Слушающіе начинали шумѣть.

— Зачѣмъ ты сюда пришелъ?—крикнулъ Мышко Бумиру, приближаясь къ нему.—Отправляйся въ замокъ, лизать тамъ ноги, какъ собака... Здѣсь ты не нуженъ.

— Напротивъ,—возразилъ Бумиръ:—коли умомъ вы обижены, надобно же кому-нибудь васъ надоумить!..

— Прочь его, прочь! раздались голоса въ толпѣ.

Бумиръ не трогался съ мѣста.

— Не уйду!—отвѣчалъ онъ:—кричите хоть до прорыва глотки!.. Я здѣсь также могу быть, какъ и вы.

Стиборъ обернулся къ нему спиною... Другіе угрожали ему кулаками...

— Бумиръ, пожалуй-что, и не такъ глупъ, какъ кажется,—замѣтилъ кто-то въ защиту его.—Замокъ крѣпкій, а мы почти безсильны.

— За то насъ много!—замѣтилъ другой.

— Много, да нѣтъ головы!—прибавилъ Бумиръ.—Ваше дѣло толковать о свободѣ на вѣчевыхъ собраніяхъ, но ужъ никакъ не брать приступомъ княжескіе столбы... Вы—земледѣльцы, плугъ—ваше дѣло, да иногда

охота на дикаго звѣря, волка или медвѣдя! Брать каменные стѣны!.. Да пока вы надумаетесь завладѣть ими, вы сто разъ раньше между собою передеретесь!..

Визунъ до сихъ поръ не вмѣшивался; прислушиваясь внимательно къ каждому слову, онъ поглядывалъ на Милоша, сидящаго съ понурою головою, на Бумира и на безпокойныхъ Мышковъ.

Старшій Мышко подошелъ къ Визуну и, взявъ его за руку, слегка отвелъ въ сторону.

— Перейдемъ куда-нибудь на другое мѣсто,—сказалъ онъ:—чтобъ намъ не мѣшалъ этотъ княжескій прихвостень!

Мышки, цѣлою гурьбою, тронулись за своимъ старшимъ, Визунъ же остался на мѣстѣ.

— Пусть каждый говоритъ, что у него на сердцѣ,—сказалъ онъ:—на вѣчѣ и на совѣтѣ все можно говорить... А на чемъ старшіе порѣшатъ, то и будетъ обязательно для всѣхъ!

Всѣ остались на прежнихъ мѣстахъ. Когда водворилась тишина, Милошъ проговорилъ:

— Первымъ дѣломъ—коль скоро хотите войны—вамъ необходимъ воевода... безъ него вѣдь не сдѣлаете ни шагу... Изберите себѣ вождя!

Нѣкоторымъ изъ собравшихся показалось, что Милошъ этими словами намекалъ на себя.

— Лешка намъ не надо!.. Никого изъ Лешекъ!—послышались крики—Кмета!

— Да избирайте кого хотите, хотя бы лошадь или быка! разсердился Милошъ.—Но знайте, что нужно же выбрать кого-нибудь, иначе разгонять васъ, какъ стадо овецъ!.. Не угодили Лешки—ищите другихъ!.. Въ улѣ безъ царицы, среди людей безъ короля, порядка не будетъ!

Всѣ замолчали.

— Пока еще вождь намъ не нуженъ,—сказалъ кто-то:—можемъ и подождать.

— Но въ борьбѣ однимъ вамъ не справиться,—продолжалъ Милошъ:—воеводу, тысяцкихъ, сотниковъ избирайте—это первое дѣло!

Снова воцарилась тишина. Старшіе переглядывались другъ съ другомъ, указывая глазами на Мышковъ. Мышко съ повязанною шею стоялъ понуривъ голову.

— Ты да твои должны управлять нами,—сказалъ кто-то, обращаясь къ старшему Мышку:—васъ нѣсколько человѣкъ не боялось деспоту въ пасты залѣзть, не побойтесь и насъ на него повести.

— Мышко! Мышко!—поддержали другіе:—пусть Мышко будетъ намъ предводителемъ, мы согласны... Созвать людей и пусть ведетъ насъ на замокъ!

— Согласенъ,—сказалъ старшій Мышко:—я готовъ стать во главѣ, но я требую повиновенія!..

— Будемъ повиноваться! раздались голоса отовсюду.

Только Бумиръ и его слуги молчали. Замѣтивъ, что здѣсь ужь имъ нечего болѣе дѣлать, они отошли въ сторону.

Всѣ обратились къ Визуну, ожидая отъ него послѣдняго слова, но онъ нахмурился: видно было, что настроеніе умовъ въ данный моментъ ему не по сердцу. Когда окончательно состоялось избраніе въ воеводы Мышковъ, они собрались въ одну кучку и о чемъ-то между собою шептались.

Послѣ короткаго совѣщанія, Мышки снова присоединились къ толпѣ, изъ которой нѣкоторые кметы обратились къ Визуну съ требованіемъ, чтобъ велѣлъ дать изъ храма станицы, обыкновенно предшествовавшія войску, идущему на войну, въ мирное же время хранившіеся, большею частью, въ храмахъ. Станицы—это были старинныя изображенія боговъ и военныхъ эмблемъ, придѣланныхъ къ длиннымъ шестамъ. Когда ихъ трогали съ мѣста—то было знакомъ, что собираются воевать.

Визунъ взглянулъ вопросительно на новаго воеводу. Мышко, покачавъ отрицательно головою, сказалъ:

— На это времени еще хватитъ—я самъ зайду за станицами.. у меня есть своя причина, почему я теперь ихъ брать не хочу!..

— Затѣмъ, искоса поглядѣвъ на Милоша и обращаясь къ Визуну, онъ продолжалъ:

— Это ихъ кровь... и указавъ рукою на князя,—я ей недовѣряю.. Не хочу ни совѣщаться съ нимъ, ни говорить при немъ о чемъ бы то ни было. Вынеси я теперь станицы и объяви войну—они сейчасъ же начнутъ готовиться къ защитѣ, сзывая людей на помощь. Пока, разумнѣе будетъ скрыть окончательное рѣшеніе, а тѣмъ временемъ успѣемъ собрать народъ безъ шума и крика. Хвостекъ подумаетъ, что мы, испугавшись, притихли... Быть можетъ намъ удастся его поймать и не осаждая замка. Долго онъ въ немъ не высидитъ; черезъ нѣсколько дней отправится на охоту, мы же будемъ его сторожить прилежно и, авось, убьемъ гдѣнибудь въ лѣсу... Ну, а не выгоритъ—тогда ужь придется брать замокъ приступомъ...

Мышко не безъ хитрости улыбнулся; онъ выразительно посмотрѣлъ на Визуна, который головою далъ знакъ согласія.

— Бумиръ, съ своими приверженцами, прямо отсюда направится къ князю съ докладомъ, о всемъ здѣсь происходившемъ... Итакъ, разойдемся спокойно!..

Вслѣдствіе такого рѣшенія, сообщеннаго старшинамъ, послѣдніе тотчасъ же оставили островъ.

Старый Милошъ не уходилъ. Онъ всталъ съ своего мѣста и подошелъ къ вновь избранному вождю.

— Я ни о чемъ не стану тебя спрашивать,—сказалъ онъ Мышко:—знаю, что ты, все равно, скроешь отъ меня правду; ты мнѣ недовѣряешь—и я это знаю! Одно лишь скажу тебѣ: отсюда я нигуда не уйду; развѣ домой!.. Не приходится мнѣ ни съ нимъ воевать, ни съ вами соединяться... Зато, одержи вы побѣду—я первый порадуюсь этому! Старъ я, Лешекъ мой слѣпъ... Наше желаніе: спокойно прожить до конца нашихъ дней!..

Сказавъ это, Милошъ уединился въ глубь лѣса, сторонясь незнакомыхъ людей.

Мышко собралъ свою дружину.

— До времени — всё по домамъ! — приказалъ онъ. — Вокругъ замка, въ лѣсу, разставить часовыхъ... На горахъ приготовить костры, чтобы, по данному знаку, сейчасъ же можно было бы ихъ зажечь. Запылаютъ они — ну, тогда — все что живо, должно бѣжать къ берегу Гопла, въ окрестности замка... До тѣхъ же поръ, впредь до особаго приказанія, сидѣть смирно! Пусть Хвостъ ничего не подозрѣваетъ!

Всѣ разошлись въ разныя стороны.

Бумирь, желавшій узнать, на чемъ порѣшили кметы, сунулся было туда и сюда, но никто не удовлетворилъ его любопытства. Тогда, разсудивъ, что если станицы остались въ храмѣ, слѣдовательно война не объявлена, и кметы, по всей вѣроятности струсившіе, въ своихъ заключеніяхъ ни къ чему не пришли — онъ спокойно отправился къ Хвосту.

Замокъ былъ наготовѣ встрѣтить нападеніе непріятеля: часовые видѣлись всюду; ихъ можно было встрѣтить на каждомъ шагѣ. Какъ только Бумирь подѣхалъ, его сейчасъ же впустили; сама княгиня вышла ему на встрѣчу, она казалась взволнованной.

— Какія новости?... Съ чѣмъ являешься?... спросила она.

Бумирь вздохнулъ,

— Милостивая княгиня, — проговорилъ онъ: — пока опаснаго ничего нѣтъ... На Ледницѣ собрались было старшины, явился и князь Милошъ толковать о войнѣ, толковали, да повидимому столковаться-то не могли!.. Силь, знать, мало у нихъ!.. Избрали себѣ воеводами Мышковъ, а тѣ и струсилы...

Княгиня обрадовалась и всплеснула руками.

— Не можетъ быть? воскликнула она.

— Истинную правду тебѣ докладываю, милостивая княгиня, увѣрялъ Бумирь. — Накричались вдоволь, разошлись по домамъ и теперь, полагать должно, все снова будетъ по прежнему...

Лицо княгини прояснилось. Она просила гостя минуточку обождать, а сама пошла къ мужу, разбудить его и сообщить такую пріятную новость... Вскорѣ показался и князь изъ опочивальни, протирая себя глаза руками.

Бумирь поклонился ему и началъ разсказывать, какъ все происходило на островѣ... Князь слушалъ, зѣвая. Потомъ, потрепавъ по плечу Бумира, онъ произнесъ:

— Всѣхъ этихъ Мышковъ я живо переловлю — тогда тишина и настаетъ... Знаю я ихъ — крикуны, а чуть до дѣла коснется — ни на что не способны!.. Выпьемъ-ка лучше, прибавилъ онъ, приглашая Бумира усѣсться за столъ.

Отказаться не представлялось возможности. Хотя Бумирь и увѣренъ былъ что съ нимъ ничего не случится, но когда принесли медъ, ему нехотя вспомнилось недавнее угощеніе и дрожь пробѣжала по его тѣлу.

Онъ началъ усердно кланяться въ поясъ князю, увѣряя, что слуги, преданнѣе его, трудно сыскать. Хвостъ заставилъ Бумира передать всѣ подробности бывшаго на островѣ сборища; по нѣскольکو разъ переспрашивалъ имена главныхъ лицъ, словно желалъ ихъ запомнить навсегда. Бумиръ долженъ былъ до поздней ночи пить и рассказывать.

ГЛАВА XVIII.

ремя шло своимъ чередомъ—въ замкѣ все было спокойно. Князь разсылалъ ежедневно повсюду смердовъ и переодѣтыхъ людей, съ цѣлю узнать что-нибудь новое; но всѣ возвращались съ однимъ отвѣтомъ: все спокойно, нигдѣ о войнѣ и не помышляютъ. Лѣто стояло жаркое; въ иныхъ мѣстахъ начинали ужь хлѣбъ снимать, а потому, на

поляхъ, все чаще и чаще видѣлись люди, вооруженные мѣдными, желѣзными и каменными серпами; другаго оружія ни на комъ не было видно.

Князю, наконецъ, надоѣло сидѣть одному въ заперти, въ замкѣ, окруженномъ стѣнами и насыпью. Исправно онъ ѣлъ, пилъ, спалъ, зѣвалъ, изрѣдка заходилъ къ княгинѣ; но стоило ему поглядѣть изъ окна на синѣющіе вдали лѣса, какъ сейчасъ же въ немъ зарождалось желаніе отправиться на охоту. Подобному желанію Брунгильда противилась всѣми силами. Сначала онъ покорялся, теперь начиналъ ужь ворчать.

Однажды утромъ князь приказалъ позвать Смерда.

— Поѣзжай, осмотри хорошенько лѣса, не увидишь ли гдѣ засады...

Смердъ пропадалъ цѣлый день. Вернувшись вечеромъ и привезя съ собою серну, убитую имъ по пути, онъ рассказалъ, что встрѣтилъ въ лѣсу кабана, медвѣдя, волковъ; людей же ни разу не видѣлъ.

Княгинѣ такое спокойствіе послѣ недавней бури казалось и страшнымъ, и подозрительнымъ; напротивъ, князь считалъ его совершенно естественнымъ.

— Мнѣ необходимо отправиться на охоту,—кричалъ онъ:—я пропаду, если еще дольше останусь въ бездѣйствіи... Не выдержу... Эта безконечная спячка и плѣнь—ядъ для меня...

Брунгильда, однако, не пускала князя на охоту; хитрая нѣмка боялась засадъ и измѣны. Изо дня въ день князь откладывалъ исполненіе своего намѣренія. Княгиня подговорила людей устраивать всевозможныя препятствія. Хвостъ проклиналъ, сердился, сильнѣе обыкновеннаго напивался пьянъ и, все больше и больше, терялъ терпѣніе.

Наконецъ онъ не выдержалъ: приказалъ Смерду, непременно на слѣдующій день, приготовить все нужное для охоты и пораньше его разбудить. Едва вымолила у него княгиня, чтобы онъ согласился съ собою взять большее, противъ всегдашняго, количество слугъ и притомъ хорошо вооруженныхъ.

Хвостекъ, хотя и носилъ крестъ на груди, въ сущности оставался язычникомъ, сохранившимъ еще многіе предрасудки. Слуги знали объ этомъ и заранѣе осматривали окрестности и дорогу, чтобы, по возможности, устранить все, могущее чѣмъ-либо разстроить князя. Смерда нарочно распорядился, чтобы какъ разъ въ то время, когда князь выѣдетъ изъ воротъ, ему навстрѣчу попалась женщина съ полными ведрами, такъ какъ это считалось хорошимъ предзнаменованіемъ.

Прекрасное утро обѣщало такой же день. По небу скользили легкія облачка, прохладный вѣтеръ разгонялъ ихъ и освѣжилъ воздухъ. Князь, выѣхавъ въ поле изъ замка, направился къ ближайшему лѣсу. Смердъ увѣрилъ его, что звѣрей тамъ тѣма тѣмущая. Къ тому же лѣсъ этотъ, въ которомъ строго на строго запрещено было пасти скотъ, былъ заповѣдный и нарочно оберегался для княжескихъ охотъ. Назывался онъ Глубь и дѣйствительно дичи водилось въ немъ всегда великое множество; но чтобъ добраться до настоящихъ мѣстъ, нужно было проѣхать значительное пространство.

Хвостекъ, давно уже не сидѣвшій на лошади, не слыхавшій лѣснаго шороха и собачьяго лая, замѣтно повеселѣлъ, когда почувалъ запахъ непроходимыхъ дебрей. Онъ шпорилъ лошадь, чтобы добраться скорѣе до Глуби. Послѣ получасовой ѣзды, князь очутился на небольшой полянѣ, откуда рукой подать до излюбленной чащи.

Князь первый выѣхалъ на поляну, но сейчасъ же осадилъ лошадь и, нахмурившись, обратился къ подскакавшему Смерду. Князь сердито указывалъ рукою впередъ: тамъ, на пнѣ, сидѣла старуха, вся закутанная въ большой платокъ; рядомъ съ нею лежали кучи только-что собранныхъ травъ. Разбирая ихъ, она дребезжащимъ голосомъ мурлыкала себѣ подъ носъ пѣсню и, казалось, не замѣчала всадниковъ. Встрѣча въ лѣсу съ такими старухами считалась признакомъ не хорошимъ и даже опаснымъ.

По тогдашнимъ понятіямъ — лѣса, озера, рѣки, поля — населены были таинственными созданіями и большая часть злыхъ духовъ преимущественно принимала на себя видъ старыхъ женщинъ. Мятелицы, ночницы, бабы-яги, стриги и прочія, представлялись воображенію обыкновенно въ образѣ грязной, невзрачной старухи, какъ разъ въ родѣ той, что сидѣла теперь на полянѣ.

Князь ихъ боялся, но также и Смердъ былъ не изъ храбрыхъ, тѣмъ

болѣе, что чѣмъ нибудь раздражить такую старуху—значило навлечь на себя ея гнѣвъ и мщеніе. По ближайшемъ изслѣдованіи, однако, Смердъ призналъ въ сидящей—Яруху. Въ замкѣ всѣ ее знали, такъ какъ часто она приносила княгинѣ разныя травы. Всѣ считали ее могущественною, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, полагали, что злою она не была. Князь не рѣшался тронуться съ мѣста, и Смердъ, слѣзши съ лошади, волей неволей принужденъ былъ самъ подойти къ старухѣ.

Яруха такъ о чемъ-то задумалась, что только тогда съ испугомъ вскочила съ своего мѣста, когда Смердъ къ ней совсѣмъ приблизился.

Ей показалось, какъ она потомъ объясняла, что къ ней злой духъ подходилъ, признаніе, конечно, для Смерда не особенно лестное. Скороговоркою начала она что-то нашептывать, словно проклинала его, что его тоже совсѣмъ не обрадовало. Наконецъ, все дрожа еще, но уже почти успокоившись, старуха усѣлась на старой колодѣ.

— Что ты, Яруха, здѣсь дѣлаешь? спросилъ Смердъ.

— А развѣ ты слѣпъ, негодный бродяга?—ощетинилась баба:—дѣлаю, что мнѣ велѣно дѣлать, собираю травы—вотъ что!.. А у тебя что тамъ въ боченкѣ болтается? А? Дай-ка хлебнуть, такъ и страхъ тебѣ мой прощу, а не то...

— Въ боченкѣ нѣтъ у меня ничего, кромѣ воды... отвѣчалъ Смердъ.

— Воды?.. Есть что таскать съ собою!—разсердилась старуха. Изъ каждой рѣчки можно, съ лягушечьей икрою вмѣстѣ, ее достать! Есть что носить!.. Глупый ты человѣкъ, вотъ что!... Старый, а умъ-то ребячій... Воду носить!..

Смерда начиналъ не на шутку трусить.

— А до моихъ занятій тебѣ все-таки дѣла нѣтъ—начала снова Яруха.— Не твое это дѣло... Никакая трава тебѣ не поможетъ—ишь ты вѣдь рожа какал!.. Хотя раскакую дѣвухнѣ поднеси, хотя бы ты и далъ траву—не подѣйствуетъ!.. Видишь, что здѣсь лежитъ: вотъ былица... лисье яйцо... Хорошія зелья...

— А худого нѣтъ ничего?—робкимъ голосомъ заикнулся Смердъ— князь вѣдь здѣсь, недалеко!.. Чтобы часомъ не повредить ему... съ нимъ шутки-то плохи!..

Яруха опять испугалась, и взглянула въ сторону чащи.

— Князь,—повторила она—а! Князь... а не велитъ онъ меня повѣсить?

— Чтобы ты ему только зла не сдѣлала, смотри же!—шепнулъ ей Смердъ.

— Я? Ему?—баба испуганными глазами глядѣла на своего собесѣдника.—Я вѣдь нерѣдко хожу къ супругѣ его—княгинѣ, пользуюсь ея милостію... и теперь вотъ для нея собираю травы... Если князь хочетъ, могу ему дать зелья на счастье... Чего же меня бояться? Яруху всѣ знаютъ...

Смердъ воротился къ ожидавшему въ чащѣ князю.

— Это Яруха, милостивый князь,—сказалъ онъ.—Вѣдьма она, но своимъ зла не дѣлаетъ... она и княгинѣ травы приноситъ... Даже, напротивъ, она можетъ намъ принести счастье; она многое знаетъ!

Хвостекъ, котораго эти слова успокоили, выѣхалъ на поляну. Онъ потихоньку подѣзжалъ къ старухѣ, поглядывая на нее съ недовѣріемъ. Яруха низкимъ поклономъ привѣтствовала князя, и сейчасъ же поднялась съ мѣста, стараясь придать своему лицу веселое выраженіе—она таки трусила князя. Въ свою очередь, Хвостъ не особенно довѣрялъ Ярухѣ.

— Не знаешь, какая нынче будетъ охота? спросилъ князь.

— А гдѣ? спросила Яруха въ свою очередь.

— Въ Глуби.

Яруха покачала головою.

— Въ Глуби?.. Милостивый князь, не зачѣмъ тебѣ ѣздить туда!..

— Почему?

— Э! тамъ нехорошіе звѣри сидятъ...

Она стала глазами считать спутниковъ князя.

— Какіе звѣри? спросилъ послѣдній.

— Тамъ Мыши сидятъ, Мыши!—шопотомъ сказала Яруха,—цѣлая куча Мышей!..

Оглядываясь по сторонамъ, она хотѣла было приблизиться къ князю, но тотъ запретилъ ей трогаться съ мѣста. Тайнственные слова Ярухи напугали его. Хвостъ вопросительно посмотрѣлъ на Смерда, который крикнулъ старухѣ:

— Выражайся яснѣ!..

Яруха долго не отвѣчала.

— Да что—яснѣ!.. проговорила она, наконецъ,—когда я сказала мыши—такъ дѣло понятное!.. Мыши, мышата, мышки одно и тоже!.. А, впрочемъ, я вѣдь не знаю, какъ есть ничего не знаю!..

Сказавъ—уѣхалась и занялась переборкою травъ.

Князь, Смердъ и дружина стояли въ какомъ-то оцѣпеніи: страхъ овладѣлъ ими...

Ничѣмъ не прерываемая тишина царила вокругъ... Маленькій вѣтерокъ дулъ со стороны лѣса. Люди, привыкшіе различать даже малѣйшій шорохъ, слышали гдѣ-то вдали глухіе голоса—какъ бы призывы.

Князь поблѣднѣлъ. Яруха сидѣла съ опущенною на грудь головою, не обращая вниманія на всадниковъ...

Смердъ подошелъ къ ней.

— Что жъ мышки-то дѣлаютъ тамъ?—спросилъ онъ.

— Что дѣлаютъ?.. Сидятъ у огня, дичь жарятъ, пьютъ медъ да поджидаютъ кого-то!..

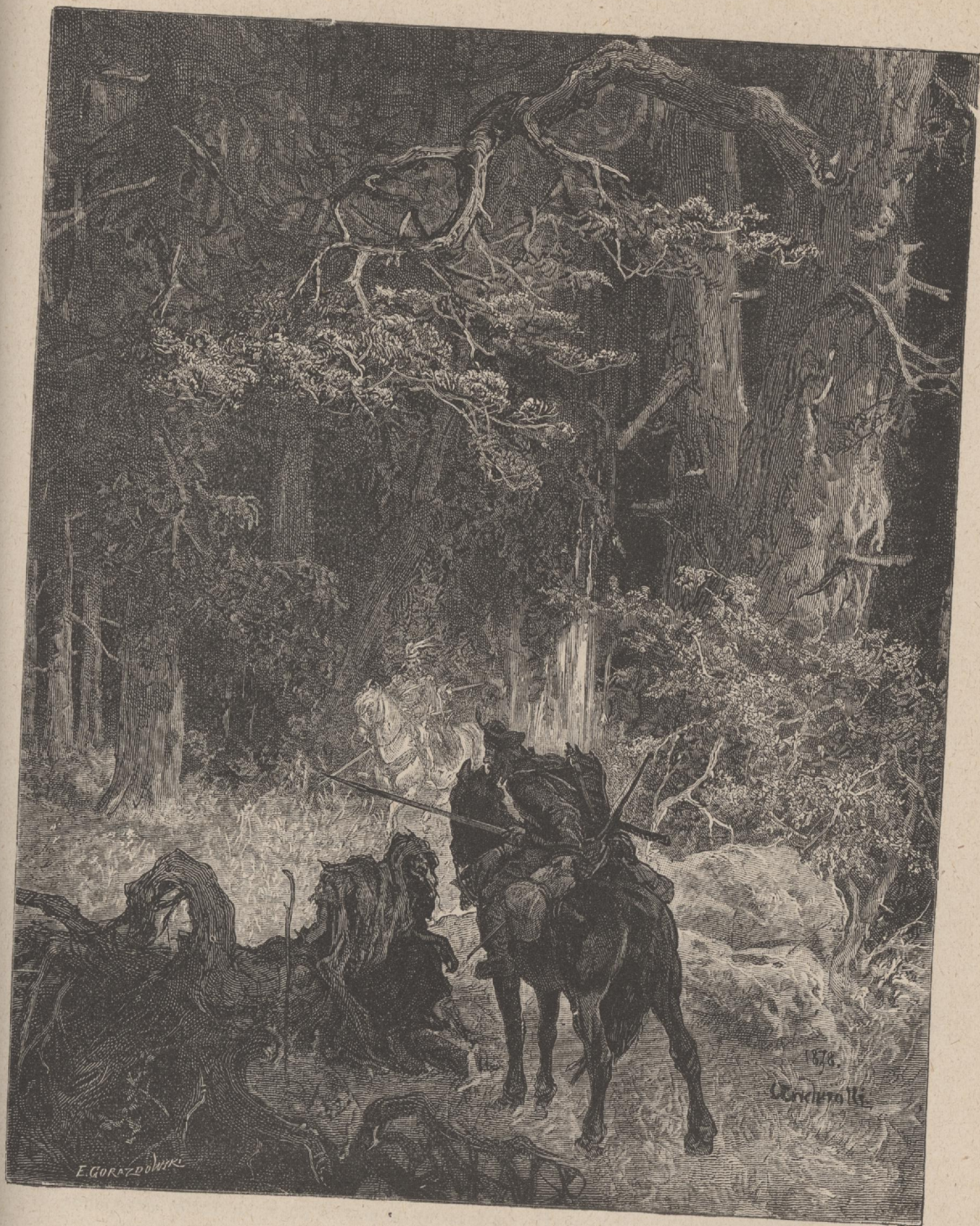
Князь вздрогнулъ.

— Сколько ихъ всѣхъ?—крикнулъ онъ.—Сколько?..

— Я считать не умѣю,—отвѣчала старуха,—а, пожалуй, что и копа, копа наберется *)!..

Послѣднія слова она почти прошептала... Смердъ сосчиталъ бывшихъ при князѣ людей... Всего набралось три десятке.

*) Копы—шестьдесятъ

Онъ потихоньку подъѣзжалъ къ старухѣ (стр. 208).

Хвостекъ боялся подѣхать къ Ярухѣ...

— Спроси у нея... Пусть говоритъ все, что знаетъ!—приказалъ князь, обращаясь къ Смерду,—а не захочетъ—веревку на шею и на дерево эту вѣдьму...

Хотя лица старухи не было видно, но, судя по дрожавшимъ рукамъ, она навѣрное слышала эти слова.

Смерда обратился къ ней:

— Говори все, что знаешь!—крикнулъ онъ.

— Я вамъ все сказала,—отвѣчала старуха, упавшимъ голосомъ,—да, вѣдь, еслибъ не я, вы бы поѣхали въ глубь и попались бы... Они сидятъ тамъ ужъ третія сутки... А всѣхъ ихъ много и всѣ съ оружіемъ, но только тамъ такая тишина, что въ трехъ шагахъ и то ихъ не слышно...

— Гдѣ сидятъ? спросилъ князь.

— Въ Глуби, у самаго болота, гдѣ ольхи растутъ, — объясняла старуха:—на правомъ берегу и костеръ разложили...

— Разставили часовыхъ?..

— Хотѣли меня поймать, да, видно, не смѣли... Нѣсколько парней бродить въ разныхъ мѣстахъ...

Долго еще продолжались разпросы. Князь не зналъ на что рѣшиться... Вдругъ невдалекѣ послышался шорохъ... Слуги невольно вздрогнули, хватаясь за оружіе... Яруха перепугалась, и припала къ землѣ. Князь оглянулся и тотчасъ же увидѣлъ мелькавшихъ между деревьевъ всадниковъ; онъ повернулъ лошадь. Смердъ вскочилъ тоже въ сѣдло... Съ правой и съ лѣвой сторонъ раздались крики, вѣтви ломались... Легко было догадаться, что князя намѣревались окружить... Хвостъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ: онъ самъ не зналъ, что предпринять...

Между тѣмъ, крики усилились... Княжескіе слуги сомкнулись вокругъ своего властелина, готовясь къ защитѣ... Въ кустахъ показались головы, руки, оружіе... Немыслимо было бѣжать... Отступить тоже не было никакой возможности... Смерду показалось, что въ одномъ мѣстѣ остался свободнымъ еле замѣтный проходъ.. Указавъ его князю рукою, онъ первый, стремглавъ, въ него кинулся.

Лишь осажденные тронулись съ мѣста, цѣлый градъ стрѣлъ засвистѣлъ въ воздухѣ. Нѣкоторые изъ нихъ вонзились въ колпакъ Хвостека... Смердѣ прострѣлили руку... Многие были ранены... Не обращая однако на это вниманія, осажденные бросились въ лѣсъ... За ними погнались кметы, но стрѣлы не могли причинить уходящимъ особеннаго вреда.

Къ счастью на встрѣчу еще никто не являлся... Смердъ и слуги окружили князя, который, припавъ головой къ шеѣ лошади, скакалъ почти лежа... Удары сыпались за ударами... Сзади, слѣва и справа виднѣлись лица преслѣдующихъ... Но вотъ уходящіе радостно вскрикнули—лѣсъ становился рѣже, лошадямъ представлялся большой просторъ... Началась бѣшеная скачка...

Стрѣлы все еще сыпались, но Хвостекъ со своею дружиною успѣлъ опередить на большое разстояніе кметовъ... Вскорѣ послѣдніе замѣтно

отстали... Смердь и князь оба хорошо знали лѣсъ: они прискакали къ лугу... Смердь что-то шепнулъ князю на ухо, потомъ далъ приказаніе дружинѣ... Сейчасъ раздались крики, слуги подняли невообразимый шумъ и бросились въ лѣво... Смердь и князь, между тѣмъ — поскакали вправо... Поднятый крикъ заставилъ кметовъ броситься по слѣдамъ дружины, а Хвостекъ тѣмъ временемъ забирался все глубже и глубже въ лѣсъ... Вскорѣ шума погони не стало слышно... Князь и Смердь очутились въ непроницаемой чащѣ, гдѣ множество опрокинутыхъ вѣтромъ деревьевъ образовало нѣчто въ родѣ высокихъ стѣнъ... Здѣсь они могли почитать себя уже внѣ опасности, но дрожащему отъ страха Хвостеку хотѣлось пробраться еще куда нибудь дальше!.. Смердь не отставалъ отъ него...

Они подвигались впередъ до тѣхъ поръ, пока лошадь князя не спотыкнулась и не сломала ноги... Волей неволей пришлось остановиться... Когда Смердь соскочилъ съ своей лошади, измученное, усталое животное упало и околѣло. Такимъ образомъ оба, князь и Смердь, остались безъ лошадей.

Они стояли теперь въ самой густой части огромнаго лѣса, гдѣ скорѣе слѣдовало ожидать встрѣчи съ медвѣдемъ, нежели съ человѣкомъ. Несмотря на знакомство съ мѣстностью, имъ рѣшительно невозможно было узнать, гдѣ они именно находились, — куда завело ихъ послѣднее бѣгство. Князь повалился на землю; онъ въ бѣшенствѣ рвалъ на себѣ одежду. Смердь стоялъ возлѣ него, съ прострѣленной рукою, не въ силахъ жаловаться князю — испуганный ожидающей ихъ судьбою.

Оба долгое время молчали. Смердь прислушивался не раздается ли гдѣ нибудь человѣческій голосъ; храпъ издыхающей лошади — и ни одного звука болѣе. Смердь, изъ боязни, чтобы и это не могло послужить къ открытію ихъ мѣстопребыванія, схвативъ веревку, набросилъ ее на шею животному и придушилъ его.

Отдохнувъ немного, бѣглецы стали осматриваться. Они предугадывали въ которой сторонѣ находились озеро и княжескій столбъ, но чтобы къ нимъ безопасно пробраться необходимо было подождать наступленія ночи. Для большей увѣренности, Хвостекъ и Смердь оставили мѣсто, гдѣ лошади пали, и забрались еще въ болѣе дикую глушь. Среди полусгнившихъ стволовъ деревьевъ они нашли отовсюду закрытое мѣстечко, гдѣ и расположились.

День тянулся, казалось, особенно медленно. До вечера было еще далеко. Въ лѣсу раздавалось чириканье птицъ. Бѣглецы сидѣли въ своемъ углу, ожидая съ каждой минутой, что разсыпавшіеся по лѣсу кметы внезапно откроютъ ихъ. Вплоть до вечерней зари, однако, въ лѣсу царствовала ничѣмъ не возмутимая тишина. Приободренный этимъ Смердь, кое-какъ повязавъ руку, отправился искать тропинки или удобнаго прохода, по которому можно было бы незамѣтно пробраться домой. Сначала Хвостекъ боялся его отпустить, но, убѣдившись въ необходимости изслѣдовать путь пока еще было видно, рѣшился на время остаться одинъ.

Было уже совершенно темно, когда Смердь вернулся и объявилъ своему господину, что теперь можно рѣшиться покинуть ихъ временное убѣжище.

— Мы,—сказалъ онъ:—въ двухъ шагахъ отъ жилища небогатаго кмета Кошпычко... Онъ здѣсь владѣеть небольшимъ кускомъ земли и лѣса, это спокойный человѣкъ... Тутъ же живетъ и сынъ его, по имени Пясть... Мы къ нему можемъ зайти, тѣмъ болѣе, что ни тебя князь, ни меня онъ никогда и въ глаза не видалъ... Не то придется съ голоду помирать... ужъ и такъ ослабѣлъ... потерялъ много крови...

Хвостекъ навѣрное остался бы весьма равнодушнѣе къ участи Смерда, если бы не сознавалъ, что послѣдній ему еще нуженъ.

— Въ чужое жилище входить! Самому лѣзть въ руки кмета!—воскликнулъ князь.—Да, ты никакъ съума спятилъ... Пойдемъ домой!

Смердь не смѣлъ прекословить и они тронулись въ путь. Слуга шелъ впереди, хотя чрезвычайно медленно, останавливаясь почти на каждомъ шагу. Онъ до того изнемогъ; что нѣсколько разъ падалъ.

— Хижина всего въ двухъ шагахъ,—осмѣлился онъ вторично замѣтить князю:—человѣкъ бѣдный всегда гостеприименъ, ему и въ голову не придетъ справляться объ имени гостя. Взойдемъ, отдохнемъ...

Хвостъ былъ голоденъ и измученъ: онъ еле тащился... Страхъ съ одной, голодъ съ другой стороны вели въ немъ ожесточенную борьбу. Наконецъ, физическая потребность одержала побѣду. Князь согласился просить у Пяста убѣжища.

У самой опушки лѣса стояла одинокая, бѣдная хижина... Въ открытомъ окнѣ видѣлся огонекъ... На дворѣ блеяли овцы...

Князь остался въ лѣсу, пока Смерда отправился просить разрѣшенія переночевать въ этой хижинѣ... Хозяинъ сидѣлъ на крыльцѣ, у ногъ его игралъ ребенокъ—сынъ его... Смердь съ подвязанною рукою, съ лицомъ, исцарапаннымъ сучьями, приблизился къ нему. Пясть поднялся на встрѣчу неожиданнаго гостя.

— Кметъ добрый,—началъ усталымъ голосомъ Смердь:—не откажи принять меня съ товарищемъ въ домъ твой на короткое время... Мы тоже кметы, живемъ въ Ополѣ, заблудились въ лѣсу на охотѣ, второй день бродимъ, не можемъ выбраться... Въ добавокъ, падая съ лошади, я сломалъ себѣ руку... Усталый товарищъ мой невдалекѣ ожидаетъ отвѣта... Позволь же намъ отдохнуть...

Говоря это, Смердь зорко всматривался во всѣ углы... Ни около хижины, ни внутри ея, повидимому, никого не было... Глядя на незнакомца, Пясту казалось, словно онъ его гдѣ-то видѣлъ!

— Кто бы вы ни были,—проговорилъ онъ привѣтливо:—коль скоро во имя гостеприимства проситесь отдохнуть подъ моимъ кровомъ—отказать не могу. Идите за мною. Вы хорошо знаете, что у насъ не отказываютъ и врагу...

— Мы не враги!—воскликнулъ Смердь.—Да какъ намъ и быть врагами?

Старикъ повторилъ свое приглашеніе. Смердъ вернулся за княземъ, который, опасаясь быть узаннымъ, снялъ съ своего колпака и одежды всѣ украшенія, спряталъ мечъ, а волоса опустилъ на лобъ. Хвостъ слѣдовалъ за Смердомъ, но весь дрожалъ, не смотря на принятія предосторожности. Пясть пригласилъ ихъ въ избу и предложилъ хлѣба. Хозяйка, между тѣмъ, принесла пива и всего, что нашлось по хозяйству въ будничныи день.

Чтобы выдержать свою роль до конца, Смердъ, по данному княземъ знаку, слѣлъ возлѣ него на скамью. Передъ тѣмъ, какъ садиться за столъ, Хвостекъ, едва слышнымъ голосомъ, пробормоталъ что-то въ родѣ привѣтствія и сейчасъ же прикрылъ лицо рукою. Пясть нѣсколько разъ взглядывалъ на него, пробовалъ завести разговоръ, но, получая отвѣты отъ Смерда, махнулъ рукою, не любопытствуя болѣе.

Гостепрѣимство не позволяло допрашивать человѣка, который по доброй волѣ не хотѣлъ говорить.

Проголодавшіеся гости молча принялись за ѣду. Царствовавшая въ избѣ и на дворѣ тишина нѣсколько ихъ успокоила. Добродушное лицо хозяйки, привѣтливость ея мужа—все это казалось имъ добрыми признаками. У дверей стоялъ мальчикъ, простодушно разсматривавшій не виданныхъ до толѣ людей.

Хозяйка замѣтивъ, что раненая рука беспокоитъ Смерда, подошла къ нему и спросила не хочетъ ли онъ позволить перевязать ему руку какъ слѣдуетъ. Смердъ съ радостью согласился и подойдя къ огню, показалъ свою рану. О происхожденіи ея догадаться было не трудно... Что Смердъ солгалъ—сдѣлалось яснымъ... Старуха пристально посмотрѣвъ на него не сказавъ однако ни слова...

Хвостъ, между тѣмъ, осушивъ залпомъ кувшинъ стоявшаго передъ нимъ пива, замѣтно повеселѣлъ. Крѣпкій напитокъ вернулъ ему прежнюю храбрость.

— Ты кметъ?—рѣшился онъ обратиться съ вопросомъ къ хозяину.

— Какъ и отецъ мой и дѣдъ,—отвѣтилъ спокойно сынъ Кошочки.

— Мы живемъ немного въ глуши,—продолжалъ Хвостъ невнятно:—мы и не знаемъ что творится надъ Гоцломъ... Говорятъ, у васъ что-то неладно?..

Пясть проницательно посмотрѣлъ на Хвостека.

— Если кметы и неспокойны,—отвѣчалъ онъ,—виною тому не они!..

— Говорятъ, что кметы бунтуютъ?

— Просто—отстаиваютъ свои права!..

Хвостъ промолчалъ.

— А князь тоже вѣрно свой?—нерѣшительно произнесъ онъ, поглядывая изподлобья.

Хозяинъ, казалось, сразу не рѣшался отвѣтить.

— Если ты кметъ,—наконецъ сказалъ онъ:—то знаешь, или, по крайней мѣрѣ, обязанъ знать, что только во время войны должны мы повинно-

ваться князю, во время же мира, мы споконъ вѣка управляемся сами... Такъ было всегда, такъ и впередъ будетъ... А кто переначивать будетъ...

Хвостекъ невольно захохоталъ. Смердъ, услышавъ знакомую интонацію хохота, вздрогнулъ. Этого было достаточно чтобы обнаружить князя.

Пясть посмотрѣлъ на него безбоязненно. Оба они замолчали, измѣряя другъ друга глазами.

— Говорять, ваши кметы предполагають напасть на замокъ и князя? — возобновилъ Хвостекъ разспросы.

— Нападалъ же онъ раньше на насъ,—было отвѣтомъ:—самъ вызываетъ!.. Недоброе онъ дѣло дѣлаетъ, когда могъ бы спокойно сидѣть... Семью свою истребилъ; изъ нашихъ тоже не мало лишилось жизни... А кто виноватъ во всемъ?..

Взоры Хвостека загорѣлись гнѣвомъ. Пробурчавъ что-то, какъ медвѣдь, внезапно потревоженный въ берлогѣ, онъ всталъ со скамьи, приказавъ Смердѣ, послѣдовать его примѣру.

На дворѣ было темно: погода стояла хорошая, но луннаго свѣта не было.

— Не уходите въ такое время,—посовѣтовалъ Пясть:—переждите ночь, а чуть свѣтъ—и отправляйтесь въ дорогу. Здѣсь вы вполне безопасны, хотя бы васъ кто и разыскивалъ... Гость для меня святой...

Услышавъ эти слова: хотя бы васъ кто и разыскивалъ—князь поблѣднѣлъ и отодвинулся въ сторону; хозяинъ пожалъ плечами. Испуганный Смердъ весь дрожалъ... Неловкое молчаніе длилось довольно долго.

Происшедшее показалось князю рѣшительно колдовствомъ какимъ-то, потому что въ ту минуту послышался лошадиннй топотъ и крики людей передъ домомъ. Пясть, указавъ рукою на полуоткрытыя двери сосѣдней избы, обратился къ Хвостеку съ словами:

— Я знаю кто ты... Уходи съ слугою своимъ въ ту избу... Быть можетъ Мышки васъ ищутъ... здѣсь же вы безопасны. Гостей присылають боги!...

Высказавъ это съ достоинствомъ, онъ вторично, съ оттѣнкомъ торжественности, указалъ князю на раскрытыя двери смежной избы. Хвостекъ до того растерялся, что не зналъ—что начать; страхъ превозмогъ однако чувство оскорбленнаго самолюбія и онъ вмѣстѣ со Смердомъ вошелъ куда ему указали. Хозяйка затворала за ними дверь.

Пясть зажегъ у огня лучину и вышелъ съ нею на дворъ.

Нѣсколько всадниковъ дожидалось у воротъ.

— Э, отецъ—крикнулъ ему старшій Мышко:—ты навѣрно не знаешь, что у насъ приключилось!.. Мы хотѣли сберечь много человѣческой крови! Три дня и три ночи караулили мы въ лѣсу этого разбойника! И вотъ—былъ онъ у насъ въ рукахъ, да счумѣлъ уйти!.. Впрочемъ, все равно—съ голоду сдохнетъ... слуги-то его всѣ разбѣжались... а безъ нихъ этотъ пьяница ничего не счумѣетъ сдѣлать, не найдетъ даже и выхода изъ лѣсу... А тамъ кому либо изъ нашихъ авось посчастливится встрѣтить его, и, тогда, надо

думать, не поздоровится этому злодѣю!.. А теперь, напоивъ лошадей, отправляемся по домамъ...

Слуги кметовъ пошли за водою. Хвостекъ слышалъ весь разговоръ. Нѣсколько разъ хотѣлъ онъ выскочить изъ избы; Смерду едва удалось удержать его отъ такого намѣренія. Мышки долго не уѣзжали, такъ какъ Пясть угостилъ ихъ медомъ. Смѣхъ и крики ихъ волновали Хвостека. Наконецъ смолкло все, послышался топотъ удалявшихся лошадей—всадники покинули дворъ гостепріимнаго Пяста... Вскорѣ Пясть открылъ двери, ведущія въ избу, гдѣ были спрятаны Хвостекъ и Смердъ, и сказалъ имъ:

— Уходите теперь; опасность миновала!

— Добрый ты кметъ—необыкновенно ласково проговорилъ князь—я приглашаю тебя къ себѣ погостить... Я тебѣ многимъ обязанъ...

— Ничѣмъ ты мнѣ не обязанъ,—возразилъ Пясть.—Старинный обычай, да законъ нашъ, велѣли мнѣ васъ укрыть... Я это сдѣлалъ не изъ чувства привязанности; я тебя не люблю и не уважаю!.. А поступалъ я согласно велѣнію боговъ! Иди же съ міромъ... Кто знаетъ, гдѣ мы еще встрѣтимся...

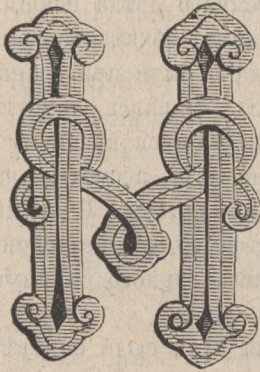
Хвостекъ нахмурилъ брови... Подобная рѣчь была для него не понятна....

— Но не подымешь своей руки на меня!—воскликнулъ онъ.

— Князь милостивый,—отвѣчалъ Пясть:—если все противъ тебя возстанутъ—я буду съ ними... Затѣмъ Пясть отошелъ въ сторону, а Хвостекъ торопиво вышелъ изъ хижины, не вымолвивъ слова, ни разу не оглянувшись. Ворота закрылись за нимъ.

Черная, молчаливая ночь покрывала землю. Только вдали, надъ озеромъ, кое гдѣ огоньки мелькали, да на высокомъ столбѣ, по обычаю того времени, замѣчался свѣтъ. Хвостекъ съ Смердою потонули во тьмѣ. Пясть свободно вздохнулъ.

ГЛАВА XXX.

а слѣдующій день въ пястовой хижинѣ жизнь потекла прежнимъ порядкомъ. Наступилъ тихій вечеръ, солнце золотило верхушки деревьевъ. На сараѣ, въ своемъ гнѣздѣ, копошился неугомонный аистъ, съ луга доносилось лошадиное ржаніе, овцы вернулись съ пастбища и нетерпѣливо ждали пока ихъ пропустятъ въ ворота. Воробьи бойко чирикали, ласточки высоко кружились въ воздухѣ, предсказывая на завтра вѣдро. Со стороны озера, куда-то на западъ, пролетали цѣлыя стаи гусей и утокъ.

Пясть сидѣлъ у стола о чемъ-то задумавшись, здѣсь, въ его уголкѣ, жилось такъ спокойно и мирно, а тамъ, въ окрестности, все приходило въ движеніе. Вооружились рѣшительно всѣ. Мышки объявляли по селамъ тревожную вѣсть: еще въ эту ночь должны зажечься костры на горахъ. Посланные скакали отъ одного кмета къ другому. У княжескаго столба жизнь такъ и кипѣла. Княжескія стада сгоняли съ полей, чтобъ спасти ихъ отъ непріятеля, который толпами все чаще сталъ появляться у самой опушки лѣса. Изъ пястовой хижины, гдѣ жили старикъ-отецъ съ сыномъ-малюткой — некого было послать въ дружину: одни только слуги вооружались, чтобы съ другими отправиться вмѣстѣ.

Какіе-то дикіе возгласы раздавались вдали. Трудно было понять—ликують ли кметы или кричитъ княжеская дворня.

Пясть вышелъ на дворъ, оглядываясь по сторонамъ, и не могъ оторвать глазъ отъ темнаго замка, у котораго съ минуты на минуту долженъ былъ загорѣться кровавый бой. Лично для Пяста—война являлась совсѣмъ не кстати. Сынъ его достигалъ семилѣтняго возраста, а по обычаю, семилѣтнему мальчику надлежало дать имя, благословить его; между тѣмъ, кто же въ такое безпокойное время согласился бы въ гости пріѣхать, раздѣлить отцовскую радость? Напрасно было и приглашать даже самыхъ близкихъ сосѣдей. Время слишкомъ тревожное.

Онъ стоялъ еще на дворѣ, когда къ воротамъ подъѣхало двое всадниковъ. Оба были въ чужестранныхъ одеждахъ; по выраженію лицъ ихъ, легко было заключить, что это мирные люди, не причастные воинственному движению, среди котораго случайно кинула ихъ судьба. Внимательно посмотрѣвъ на кмета, они совѣтовались между собою: видно, не знали что предпринять.

Начинало смеркаться. Пріѣзжіе, должно быть издалека, явились сюда, быть можетъ изъ ляшскихъ или полянскихъ земель, а можетъ и изъ земель лежащихъ по ту сторону Лабы: въ одеждѣ ихъ было что то нѣмецкое. Оба, еще достаточно молодые, закутаны были въ длинные, темнаго цвѣта плащи, изъ подъ которыхъ по временамъ виднѣлась яркая, плотно обхватывавшая тѣло ткань. Оружія у пріѣзжихъ не замѣчалось. Къ сѣдламъ были привязаны небольшіе узелки. Утомленныя лошади вытягивали шеи, стараясь щипнуть травы, бывшей у нихъ подъ ногами. Тотъ, что впереди, казался красивымъ нѣсколько моложе своего товарища — мужчиною. Лицо его, несмотря на усталость, дышало спокойствіемъ; на губахъ блуждала улыбка. Старшій глядѣлъ суровѣе, видно жизнь его закалила, но и въ его чертахъ безпокойства не замѣчалось; словно оба были увѣрены, что ничего дурного съ ними случиться не можетъ.

Это казалось тѣмъ болѣе удивительнымъ, что на пути сюда они вѣроятно встрѣчались съ раздраженными кметами и княжескою дворнею, которая тоже не долюбливала чужихъ. Между тѣмъ воинственное движеніе по видимому, не производило особенно сильнаго впечатленія на путешественниковъ.

Покончивъ свое совѣщаніе, одинъ изъ нихъ соскочилъ съ лошади, съ веселымъ лицомъ подошелъ къ Пясту и поздоровался съ нимъ на языкѣ, который хотя и не былъ языкомъ леховъ, однако старику показался къ нему чрезвычайно близкимъ. Пясть въ ранніе годы жизни своей много путешествовалъ по бѣлому свѣту и выучился говорить на языкѣ сербовъ, моравовъ и чеховъ.

— Мы изъ далекихъ странъ—проговорилъ вновь прибывшій:—надѣмся что ты, добрый хозяинъ, не откажешь намъ въ ночлегѣ. Тамъ,—прибавилъ онъ, указывая рукою на княжескій замокъ,—мы напрасно стучались съ подобной же просьбою, велѣли намъ прочь уходить... Мы попали въ волнующуюся страну, хижины опустѣли... Ты вѣрно насъ пріютишь... Намъ ничего кромѣ крову, не надо...

Старикъ поснѣшно растворилъ настѣжъ ворота.

— Прошу васъ покорно, милостивые гости—отвѣтилъ Пясть:—войдите и отдохните. У насъ никто не отказываетъ гостю... Это вѣдь отцовскій обычай, который никогда не переведется покуда мы живы ..

При этихъ словахъ Пясть жестомъ руки пригласилъ ихъ зайти въ хижину.

Старшій соскочилъ съ лошади и оба вошли къ хижину. Молодой прислужникъ поснѣшилъ взять лошадей. Пясть повелъ гостей на крыльцо, оттуда въ свѣтлицу, чтобы здѣсь, по дѣдовскому обычаю, преломить хлѣбъ

съ гостями. Усадивъ ихъ къ столу, старикъ приказалъ женѣ подать кушанье и напитки.

— Подъ кровомъ моимъ привѣтствую васъ,—сказалъ Пясть:—вы какъ разъ пожаловали въ такое время, когда я самъ сердечно желалъ видѣть кого-либо изъ гостей, но, въ наше тревожное время, надѣяться на это не смѣлъ....

Пріѣзжіе съ большимъ любопытствомъ стали приглядываться къ убогой обстановкѣ свѣтлицы, въ которой все, до мельчайшихъ подробностей, напоминало обычаи и привычки предковъ. Матеріаломъ для мебели и домашней утвари, какъ видно, служили исключительно дерево и глина; кромѣ того, здѣсь ничего нельзя было встрѣтить такого, что уже и въ тогдашнее время привозили купцы изъ далекаго запада: ни рѣдкостныхъ бездѣлушекъ, ни нѣмецкихъ издѣлій, ни римскихъ и этрусскихъ истукановъ... Произведенія полянскихъ бондарей виднѣлись на полкахъ. Одежда представляла собою смѣсь полотна, кожи и мѣха.

Пріѣзжіе, по всей вѣроятности, раньше слышали о Пястѣ, такъ какъ они выразили удивленіе по поводу его бѣдности и обратились къ нему съ вопросомъ: дѣйствительно ли онъ сынъ Кошечки.

— Мы много слышали о тебѣ,—сказалъ одинъ изъ нихъ:—да не отъ одного человѣка—отъ нѣсколькихъ; они-то и убѣждали насъ не ходить къ вашему князю... Оказывается взаправду такъ: князь велѣлъ намъ убраться,—ты же встрѣтилъ гостепрѣмно...

— Да, я сынъ Кошечки,—отвѣчалъ Пясть,—живу я по старымъ обычаямъ: дверь моей хижины всегда для всѣхъ открыта, но роскоши, къ которымъ вы, быть можетъ, привыкли, не встрѣтите у меня... Я, кметъ, занятіе мое—пчеловодство, и живу какъ жили мои отцы... Для меня обычай—святое дѣло.. Недаромъ такихъ какъ я и подобныхъ мнѣ называютъ дикими, мы же считаемъ дикими тѣхъ, что носятъ одежду дороже и красивѣе нашей, а сердца у нихъ кровожадныя, хищныя... Тому, что васъ не пустили въ замокъ вы не должны удивляться,—тамъ теперь всего опасаются.

— Что же это у васъ происходитъ?—спросилъ гость.

— Кметы съ княземъ не ладятъ,—отвѣтилъ Пясть. — Князь женился на нѣмкѣ и сталъ вводить нѣмецкій законъ, а мы привыкли къ свободѣ: ни чужихъ правъ, ни законовъ знать не хотимъ!

Гость улыбнулся.

— Можетъ быть князь задумалъ вводить здѣсь и новую вѣру?—спросилъ онъ.

— Отъ него мы объ этомъ ничего не слышали... Хотя объ новой то вѣрѣ иные и много толкуютъ... Чужое намъ не подходитъ...

— Ты можетъ быть правъ,—продолжалъ гость:—но не все же чужое такъ-таки непремѣнно никуда не годится! Судя по говору нашему, ты, конечно замѣтилъ, что мы не изъ нѣмцевъ, ни я, ни товарищъ мой; однако должно сознаться: есть и у нихъ хорошее, и то перенять—недурно.

— А что жъ есть у нѣмцевъ хорошаго? раздраженнымъ тономъ восклик-

нуль Пясть.—Я, по крайности, ничего не знаю! Если оружіе, придуманное для отнятія жизни людской, то—разбоничье это добро; если бездѣлки, которыя портятъ женъ нашихъ, такъ это отравы, ядъ, ничего больше! У насъ есть земля;—она насъ кормитъ; имѣемъ мы дѣсны, сказанія, боговъ... Нѣтъ! Ничего намъ чужого не нужно!..

Гости невольно вздохнули.

— Многое, что слыветъ идущимъ отъ нѣмцевъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ,—въ сущности только проходитъ черезъ нѣметчину, и совсѣмъ не нѣмецкое. А если, съ помощью ихъ, можно бы получить миръ и благословіе?

— Благословіе? Миръ?—удивился Пясть.—Все это слишкомъ свято, чтобъ зависѣть отъ тѣхъ, руки которыхъ замараны грабежомъ и убійствами!..

Восклицаніе это не вызвало возраженія.

Между тѣмъ, въ свѣтлицу вошла жена Пяста, Ржепица, согласно старинной модѣ, вся въ бѣломъ, со лбомъ, обязаннымъ бѣлымъ платкомъ. Она сама несла кушанье; за нею служанки несли хлѣбъ, колачи, медъ и чарки.

Хозяйка, разставивъ все на столѣ, поклонилась гостямъ и отошла въ сторону. У Пяста, какъ и повсюду въ тѣ времена, женщины не могли садиться вмѣстѣ съ мужчинами.

Пясть пригласилъ гостей отвѣдать хлѣбъ-соли. Тѣ поднялись съ своихъ мѣстъ, подошли къ столу и повернувшись лицомъ къ востоку, наклонили головы и начали что то шептать въ полголоса. Потомъ одинъ изъ нихъ надъ столомъ продѣлалъ какіе то таинственные знаки. Это испугало хозяина; ему показалось что пришлецы—колдуны.

— Вы развѣ колдуете?—обратился онъ къ нимъ.—Для чего дѣлаете въ воздухѣ эти знаки?

— Колдовства вамъ бояться нечего,—отвѣчалъ одинъ изъ гостей.—Мы колдовать не умѣемъ, напротивъ, мы отгоняемъ нечистую силу. У насъ есть обычай, предъ всякимъ дѣломъ, взывать къ Божьей помощи, къ святому Его благословенью.

— Какого Бога?—нахмурился Пясть.—Слышали мы, правда, что чехи и моравы начали теперь поклоняться новому Богу, котораго взяли у нѣмцевъ...

— Иного Бога, кромѣ единого на весь міръ мы не знаемъ,—отвѣтилъ гость.—Бога, который отецъ всѣхъ людей, всѣхъ народовъ! Онъ управляетъ всѣмъ міромъ и всѣми странами... Мы всѣ Его дѣти...

Пясть, нѣсколько удивленный, внимательно прислушивался.

— Такому Богу когда то и мы поклонялись,—сказалъ онъ, подумавъ:—единого, всемогущаго! Мы ему и теперь поклоняемся, хотя духовъ, подвластныхъ ему, очень много...

Гости обмѣнялись взглядами и не отвѣтили Пясту.

— Объ этакой новой вѣрѣ—началъ хозяинъ послѣ нѣкотораго молчанія:—мы слышали очень много... И у насъ есть такіе, которые для нея побросали своихъ боговъ! Вы тоже изъ новыхъ людей?

— Да, мы дѣти единого Бога,—отвѣтили гости въ одинъ почти голосъ и заявляемъ это открыто.

Пясть задумался было, но затѣмъ отодвинулся отъ гостей.

— Мечемъ и кровью обращаютъ нѣмцы за Лабою въ новую вѣру, сказалъ онъ холодно. — И мы совсѣмъ не желаемъ имѣть одного съ ними Бога.

Гости опять другъ на друга взглянули. Пясть приглашалъ ихъ отвѣдать различныхъ кушаній, а самъ, подстрекаемый любопытствомъ, переходилъ все къ новымъ вопросамъ, касающимся той вѣры, о которой ему сильно таки хотѣлось кое-что разузнать.

Въ описываемое время, христіанская религія не была уже вполне чуждою лехамъ; но, доходя къ нимъ съ разныхъ сторонъ, различнаго рода путями—часто, на неокрѣпшей почвѣ, она сливалась съ прежними вѣрованіями, вырождавшаяся въ новую, смягченную форму язычества; послѣдняя не оставалась безъ пользы: она уравнивала путь грядущему торжеству христіанскаго культа. Крестъ, который пока игралъ роль амулета, замѣчался однако на многихъ. Даже умершимъ язычникамъ клали его въ могилу. Все чаще встрѣчались крещенные люди, хотя, внутренно, они по прежнему были язычниками. Народъ выказывалъ упорную привязанность къ вѣрѣ отцовъ, къ старымъ преданіямъ, къ созданному ими общественному порядку. Славянское язычество никогда не являлось въ видѣ изысканныхъ, строго опредѣленныхъ постоянныхъ обрядовъ, въ какихъ выражались другія аналогичныя этому вѣрованія. Славяне поклонялись одному, верховному Божеству, боялись подвласныхъ Ему духовъ; для нихъ вся природа казалась какимъ то живымъ разумнымъ существомъ, составляющимъ одно общее цѣлое со всѣми принадлежащими ей созданіями, живущимъ одною общою съ ними жизнью...

Воды, по ихъ понятіямъ, были населены духами, дающими жизнь и силу; птицы—имѣли особенный свой языкъ, звѣри — своихъ покровителей; бури и вѣтры являлись предвѣстниками несчастія и карателями; все—земля и небо сливались въ одно общее цѣлое—которое и было великимъ Богомъ. Это гармоническое сліяніе во едино всѣхъ силъ природы, этотъ неумолимый законъ, управлявшій судьбою, жизнью, цѣлями—этотъ законъ успокаивалъ всѣхъ, всѣхъ мирилъ, всѣхъ дѣлалъ счастливыми. Изъ него возникали дружескія, братскія отношенія не только между людьми, но и между животными, и только злое начало да необходимость защиты впервые поселили въ славянахъ элементы сомнѣнія, вражды... Этотъ замкнутый міръ не требовалъ ничего, кромѣ свободы вращаться въ своихъ постоянныхъ, неизмѣнныхъ предѣлахъ.

Послѣ ужина гости опять встали, чтобы помолиться и только по окончаніи молитвы снова усѣлись.

Пясть спросилъ какія были слова ихъ молитвы и могутъ ли они ему быть понятными.

Тогда младшій изъ двухъ гостей повторилъ звучнымъ голосомъ слова молитвы благодарственной, которая воздавала должное всемогущему Богу за все имъ непосланное въ этотъ день и за все, что вообще когда либо Богу угодно было имъ даровать.

Пясть понялъ слова, но призадумался надъ ихъ смысломъ.

— Стало-быть,—сказалъ онъ:—Богъ одинъ для всѣхъ на землѣ?

— Да,—отвѣтилъ гость:—и этому то Богу мы поклоняемся, а кромѣ насъ и большая часть народовъ... Между ними есть и братія наши, говорящіе однимъ съ нами языкомъ.

— Они, значитъ, будутъ нашими врагами?—спросилъ хозяинъ.

— Нѣтъ, никогда, потому что они глубоко убѣждены, согласно учению ихъ новой вѣры, что люди всѣ, всѣ народы — ихъ братья; что никому не слѣдуетъ нападать на сосѣда, ни убивать его; любить всѣхъ, даже своихъ враговъ—вотъ законъ новой вѣры!

— Враговъ любить!..—удивился Пясть и всплеснулъ руками:—да развѣ это возможно? Враговъ? Значитъ и нѣмца тоже?

— Да,—отвѣчалъ гость:—и нѣмца надо любить; конечно, въ случаѣ нападенія разрѣшается защищаться.

Лицо хозяина приняло строгое выраженіе. Поднявъ руку вверхъ, онъ проговорилъ торжественно:

— Они никогда не будутъ нашими братьями, никогда!..

Разговоръ прервался на этомъ. Гости не настаивали на своемъ. Долго полная тишина царствовала въ свѣтлицѣ. Наконецъ, пріѣзжіе стали разспрашивать о томъ, что теперь происходитъ на родинѣ Пяста. Тогда онъ, какъ бы придравшись къ случаю, всю неурядицу объяснялъ вліяніемъ нѣмцевъ, съ которыми князья слишкомъ дружатъ.

— Нѣмцы хотятъ завладѣть нашею землею, сдѣлать ее своею добычею,—сказалъ онъ, между прочимъ:—они прижимаютъ насъ, не прочь бы и уничтожить, а все для того, чтобы имъ было просторнѣе...

— Это правда,—сказалъ старшій гость:—нѣкоторые князья, какъ, напримеръ, вашъ, вздумали съ ними дружбу водить, стараясь сохранить хорошія отношенія, потому что нѣмцевъ несмѣтное количество, и притомъ вооружены они всѣ превосходно. Другіе князья, напротивъ, подумываютъ, какъ бы соединить всѣ наши небольшіе народы и племена въ одно цѣлое, и такимъ образомъ создать новую силу, которая съ усиліемъ могла бы противиться нападеніямъ нѣмцевъ... Для этого, чтобы сравняться съ нѣмцами, они принимаютъ новую вѣру, а между собою завязываютъ дружескія отношенія, съ цѣлью сообща воевать съ исконнымъ нашимъ врагомъ.

Пясть просилъ поименовать этихъ умныхъ князей, и тогда, въ короткихъ словахъ, гости объяснили ему, что все, о чемъ они говорили, осуществилось уже въ Чехіи и Моравіи; что поляне тоже вскорѣ должны были пристать къ этому союзу. Дальше онъ продолжалъ:

— Все же вождь и глава нуженъ народу... Прочіе наши народы тоже имѣютъ князей, особенно тѣ, которые, волей неволей, принуждены воевать. Вотъ потому-то вы и не рохошо дѣлаете, желая свергнуть настоящаго вашего князя, чтобы ужъ не знать никакого.

— Мы вовсе этого сдѣлать не думаемъ,—возразилъ Пясть:—мы тотчасъ же изберемъ другого, пусть править нами; а этого извергъ вѣдь проливалъ

нашу кровь, убиваль безвинныхъ и даже отравляль своихъ родственниковъ. Вотъ почему мы не можемъ дольше его терпѣть надъ собою и подговариваемъ народъ къ низверженію ненавистой намъ власти.

Потомъ Пясть разсказаль, что видѣлываль Хвостекъ, какъ умертвилъ онъ родныхъ своихъ дядей, какъ избиваль кметовъ и приглашалъ нѣмцевъ къ себѣ на помощь противъ своихъ же.

Вечеръ былъ тихій, теплый. Хозяинъ и гости вышли на крыльцо подышать свѣжимъ воздухомъ; усѣвшись на скамьи, они продолжали начатый въ избѣ разговоръ. Пясть снова перешель на тѣму о новой вѣрѣ, которая все болѣе подстрекала его любопытство. Тогда одинъ изъ гостей такъ началъ ему объяснять:

— Это единая вѣра для всѣхъ, въ будущемъ она объемлетъ весь міръ, а когда это совершится, то не будетъ ни вражды, ни рабства, ни несчастныхъ людей.. останутся дѣти одного и того же отца.. У насъ же вѣра должна привиться, должна расти, а со временемъ дастъ и плоды, потому что истины эти, за много-много лѣтъ до настоящаго времени, были ужъ намъ извѣстны да и вообще по природѣ мы не жестоки, не безсердечны... Чужому мы всегда предлагали кровь, бѣдному—помощь, голодному—пищу, покровительство—угнетенному... Если мы и не были въ состояніи обнять всего величія единого Бога, тѣмъ не менѣе вѣрили только въ него Одного.

— Этотъ вашъ единый, великій Богъ заставляетъ нѣмцевъ любить!— изумился Пясть.—Не понятно!..

Гости улыгнулись.

Немного погодя старикъ всталъ со скамьи и поднялъ съ земли два бруска; сложивъ изъ нихъ крестъ, онъ обратился къ гостямъ:

— Я знакъ этотъ видѣлъ, и знаю, что ему поклоняются поборники новой вѣры.. Носить его на груди въ огражденіе отъ всякаго зла... Скажите же мнѣ, что онъ обозначаетъ?

— Если захочешь послушать меня,—сказаль гость, принимая изъ рукъ Пяста крестикъ и цѣлуя его:—я охотно тебѣ повѣдаю объ этомъ знакѣ и о новой вѣрѣ; тѣмъ охотнѣе,—добавилъ онъ, вынимая изъ-подъ одежды каменный крестикъ:—что наше, вѣдь, путешествіе съ тою цѣлію предпринято, чтобы отыскивать дѣтей единого Бога, разсказывать имъ объ Отцѣ ихъ, который имъ не извѣстенъ.. Крестъ—знакъ родившагося среди избраннаго Богомъ народа на дальнемъ востокѣ; онъ былъ сыномъ Бога, воплощеннымъ Богомъ..

Пясть съ любопытствомъ прислушивался, стараясь уловить каждое слово; гость между тѣмъ продолжалъ:

— На дальнемъ востокѣ, въ давно минувшія времена, жилъ избранный Богомъ народъ, который одинъ только, среди окружавшихъ его язычниковъ, поклонялся единому Богу, Создателю неба и земли. Изъ среды этого народа въ разное время появлялись пророки, которымъ Богъ объявилъ, что низошлетъ на землю своего сына, что онъ оснуетъ на землѣ новую вѣру, а жизнью своею дастъ видимое свидѣтельство своего посланничества. Въ назначенный день и часъ исполнились предсказанія пророковъ:—Сынъ Божій

родился отъ Дѣвы Маріи; родился Онъ въ нищетѣ, при обстановкѣ болѣе чѣмъ убогой, въ сараѣ, на распутьи; мать его въ то время принуждена была спасаться бѣгствомъ... Вся жизнь его была непрерывнымъ рядомъ чудесъ. Едва достигнувшій юношескаго возраста, онъ сталъ открывать людямъ глаза, указывая имъ истину; онъ излечивалъ больныхъ, воскрешалъ мертвыхъ, утѣшалъ огорченныхъ, приниженныхъ. Ни царемъ, ни вождемъ, ни владыкою не хотѣлъ онъ быть. Жилъ онъ у своего опекуна, бѣднаго плотника, въ обществѣ рыбаковъ и простого народа, а, между тѣмъ, всѣ признавали въ немъ Бога, убѣждаясь все больше и больше въ истинѣ того, что онъ говорилъ; чудеса имъ творимыя, были лучшимъ свидѣтельствомъ истинности его посланничества. Онъ училъ, что единъ только Богъ, что люди—дѣти Его, что всѣ они братья, и какъ братья должны любить, поддерживать другъ-друга. Училъ онъ не ссориться, въ согласіи жить со всѣми. И этого-то Бого-Человѣка, злые люди, опасавшіеся его потому, что онъ запрещалъ дѣлать зло, оклеветали, осудили и, наконецъ, распяли на деревянномъ крестѣ...

Пясть вздохнулъ.

— Какъ же это Богъ могъ позволить чтобы его мучили?—спросилъ онъ.

— Богъ допустилъ это для того, чтобы показать свою славу, чтобы воскресить Сына своего изъ мертвыхъ и вознести на небо и тѣмъ убѣдить малодушныхъ людей.

— Такъ оно все и случилось?—спрашивалъ Пясть.

— Да—было отвѣтомъ:—кромѣ того Богъ явилъ много другихъ чудесъ, еще болѣе утвердившихъ въ вѣрѣ людей... А самое главное—это то, что бѣдные рыбаки, плотники изъ простого народа, дѣйствуя именемъ Сына Божьяго—сумѣли обратить въ новую вѣру царей, сильныхъ міра сего, мудрецовъ; разрушили алтари прежнихъ боговъ, и на развалинахъ ихъ водворили новую вѣру, которая, чѣмъ дальше, тѣмъ шире и шире повсюду распространяется...

Пясть внималъ молча. Гость, указывая на крестъ, бывшій въ его рукѣ, прибавилъ, что этотъ знакъ смерти сталъ знакомъ, символомъ новой жизни и потому исповѣдующіе новую вѣру носятъ его при себѣ. Название свое получили они по имени Бога-Христа, замученнаго злыми людьми; жизнь Его стала для нихъ образцомъ, по ней они и свою устроятъ стараются...

Пясть, изъ сказаннаго ему, многое понялъ, многого же понять оказался не въ состояніи; разспрашивалъ, отрицалъ возможность нѣкоторыхъ событій и такъ разговоръ продолжался до поздней ночи.

Съ того мѣста, гдѣ они сидѣли, видны были и озеро и княжескій столбъ... Вдругъ окружавшій ихъ мракъ освѣтился: на одномъ изъ пригорковъ показался огонь и столбомъ поднялся вверхъ. Гости не успѣли еще спросить о значеніи этого, когда на сосѣднихъ холмахъ показались подобныя же огни... Даже окрестности всѣ словно были объаты пожаромъ. На небѣ показалось зарево.

— Что эти огни означаютъ?—спросили гости. — Не поджогъ ли кто? Не враги ли появились у васъ?

Во имя Его, во имя Сына и Духа Святаго крещу отрока и даю ему имя Зимовида.
(стр. 229).

— Нѣтъ... Это огненные сигналы: — спокойно отвѣтилъ Пясть, — это сигналы войны... Въ эту минуту народъ и всѣ наши знаютъ, что обязаны собраться къ извѣстному мѣсту...

Онъ указавъ рукою въ сторону княжескаго замка...

Какъ бы въ насмѣшку надъ этимъ воззваніемъ къ походу, князь приказалъ зажечь такой же огонь на самой верхушкѣ башни.

Огонь, отраженный зеркальною поверхностью озера, усиливалъ впечатлѣніе. Зрѣлище было величественное, но и ужасное: казалось война, огненными скрижалями смерти и истребленія, запечатлѣла свой символъ на темномъ фонѣ небеснаго свода. Гости невольно вздохнули.

— Не бойтесь, — успокоивалъ Пясть послѣ нѣкотораго молчанія: — чужому вреда не сдѣлаютъ, хотя бы война и разгорѣлась; къ тому же пока соберется народъ пройдетъ еще нѣсколько дней. Я попрошу васъ побыть у меня хоть одинъ лишній денекъ... Завтра въ семействѣ моемъ праздникъ великій: единственному моему сыну исполнится ровно семь лѣтъ... Жизнь для него едва начинается... Не знаю, пріѣдетъ ли кто изъ родныхъ, время теперь такое — всѣ о войнѣ только и думаютъ... Оставайтесь же, добрые люди, — служители Бога любви и мира... Будьте свидѣтелями торжественнаго обряда...

Гости переглянулись; младшій изъ нихъ отвѣчалъ:

— Инъ быть по твоему, — лишній денекъ прогостимъ у тебя!..

Высказавъ это рѣшеніе, несказанно обрадовавшее старика, гости ушли въ отведенную имъ избу, гдѣ были постланы имъ постели.

На слѣдующій день, съ ранняго утра, вся окрестность представлялась усѣянною людьми, спѣшившими, съ разныхъ концовъ, приготовиться къ нападенію на замокъ. Огни исполнили свое назначеніе. Народъ все прибывалъ и Хвостекъ, стоя на башнѣ, могъ во-очію убѣдиться какая громадная сила собиралась идти на него.

Замокъ, между тѣмъ, укрѣплялся; вокругъ него дѣлали насыпи; ставили частоколы; всюду, взадъ и впередъ, расхаживали часовые, даже на самомъ верху башни постоянно мелькали фигуры вооруженныхъ воиновъ.

Хоть Пясть и потерялъ всякую надежду видѣть гостей у себя, однако, всѣ почти старшіе кметы, жупаны, влацки толпились у воротъ, ведущихъ въ его убогую хижину, такъ что и онъ, и жена его Ржепица, недоумѣвали какъ, при ихъ скудныхъ средствахъ, накормить такую массу людей. Впрочемъ, въ данную минуту, быть можетъ, запасовъ бы и хватило угостить какъ слѣдуетъ дорогихъ гостей, но какъ потомъ пробыть всю зиму? Призадумался старшій хозяинъ надъ этимъ вопросомъ, но, въ концѣ концовъ, пришелъ къ заключенію, что если бы пришлось ему даже остаться безъ единой крупинки хлѣба — все же гостей слѣдуетъ угостить на славу.

У воротъ своего дома съ веселымъ лицомъ принималъ онъ поздравленія всѣхъ пріѣзжавшихъ къ нему.

Старшіе, оставивъ слугъ отдыхать среди поля, одинъ за другимъ яв-

лялись привѣтствовать сына Кошечка. Прибыли тоже и Мышки, во главѣ которыхъ видѣлся Мышко—Кровавая шея.

— Хорошая для тебя примѣта—воскликнулъ онъ, поздравляя Пяста,— что въ этакій день начинаемъ бороться съ нѣмецкой неволей. Это значитъ, что сынъ твой дождется того блаженного времени, когда у насъ водворятся снова старинные наши порядки и возлюбленная свобода!..

Затѣмъ всѣ начали другъ съ другомъ здороваться, и прибывшимъ еще наканунѣ чужеземнымъ гостямъ съ охотою предоставили самое почетное мѣсто. Всѣ сдѣлали это по единодушному побужденію, узнавъ что чужеземцы ихъ братья, говорящіе однимъ съ ними нарѣчіемъ. Хозяинъ немедленно велѣлъ разставлять столы на дворѣ, въ тѣни деревьевъ, на столахъ наставили мяса, хлѣба, праздничныхъ короваевъ и калачей, а рядомъ бочки съ медомъ и пивомъ и всѣ какіе только нашлись чарки и черпаки.

Пока продолжался сѣздъ, гости прибывшіе раньше усѣлись за столъ и вели разговоры. Одинъ изъ прибывшихъ вчера чужеземцевъ убѣждалъ всѣхъ, что поляне, ради общаго дѣла—огражденія націи отъ нѣметчины, стремящейся къ истребленію «слова», должны бы соединиться съ чехами и мо-равами. Со стороны нѣмцевъ «слову» угрожала опасность, съ которою можно бороться лишь общими силами.

На это Мышки сказали:

— Дайте сначала вырвать съ корнемъ то зло, что глубоко у насъ за-сѣло, а тамъ ужъ подумаемъ, какъ намъ быть и что предпринять.

Около полудня—домъ, дворъ и сосѣдній лужокъ оказались переполненными народомъ: все это были Пястовы гости. Наступило время свершить обрядъ постриженія. Обыкновенно, въ семьѣ, мѣсто жреца занимаетъ глава дома—отецъ; онъ же приносилъ и жертвы богамъ.

Достигнувъ семилѣтняго возраста, сыновья изъ подъ материнскаго надзора переходили на отцовское попеченіе, начинали готовиться къ будущей дѣятельности воиновъ или земледѣльцевъ. Чаще всего отдавали ихъ на воспитаніе дядямъ или старшимъ ихъ возрастамъ братьямъ, какъ это и донинѣ ведется у нѣкоторыхъ кавказскихъ племенъ; предполагалось, съ одной стороны, что отецъ недостаточно строго относится къ сыну, а съ другой— что строгость родителя могла бы уменьшить, а въ крайности и разстроить, тѣ чувства любви... и взаимнаго уваженія, безъ которыхъ семейныя отноше-нія не мыслимы.

Тутъ же, почти у самыхъ столовъ, на скорую руку изъ простыхъ досокъ, сколоченныхъ и покрытыхъ узорно-шитыми полотенцами, находился родникъ, почитавшійся священнымъ и большой камень, для приношенія жертвъ.

Когда всѣ гости собрались, мать привела сына своего, семилѣтняго мальчика, въ бѣлой одеждѣ, съ длинными волосами, которыхъ еще никогда не касались, и съ плачемъ вручила его отцу.

Пястъ, стоя у камня, готовился къ принятію сына. Когда мальчикъ припалъ къ отцовскимъ ногамъ, старикъ наклонился, приподнял его,

разцѣловаль и вспырнулъ водою изъ родника. Потомъ, заранѣе приготовленными ножницами, Пясть обрѣзаль сыну пучекъ волосъ надо лбомъ и передалъ ножницы гостямъ и старшинамъ; каждый изъ нихъ обязывался поочереди обрѣзывать мальчику по пряди волосъ. На случай, чтобы обрѣзки ихъ, какъ нибудъ, не попали въ огонь, что считалось дурнымъ предзнаменованіемъ, ихъ бережно собрали и зарыли въ землю около камня.

Наступила очередь дать мальчику имя, до сихъ поръ онъ просто былъ «сыномъ Пяста». Исполненіе этой обрядности, старикъ отецъ просилъ младшаго чужеземца взять на себя.

Чужеземецъ поднялся съ мѣста и проговорилъ:

— Если желаешь, чтобы я далъ ему имя, то попрошу у тебя позволить совершить этотъ обрядъ такъ, какъ его совершаютъ у насъ... Я долженъ благословить твоего сына... Богъ, которому поклоняются моравы и чехи,—дѣти одного съ вами «слова»—Богъ всѣхъ насъ и всѣхъ людей... Во имя Его, во имя Сына и Духа Святаго, я крещу отрока и даю ему имя Земовида... Да узреть онъ свою родину спокойною и счастливою!..

Послѣ этихъ словъ, чужеземецъ, обмокнувъ въ ключевой водѣ два пальца, сдѣлалъ имъ на лбу мальчика какой-то таинственный знакъ.

Пясть, которому имя, данное отъ роду, очень повнилось, отъ души поблагодарилъ добраго чужеземнаго гостя и при этомъ желалъ подарить ему что-либо на память; тотъ на отрѣзъ отказался, сказавъ, что какъ онъ, такъ и товарищъ его, поклялись всю жизнь не имѣть ничего лишняго. Послѣ того, оба они отошли въ сторону, не желая мѣшать старшинамъ открытъ совѣщанію о средствахъ къ войнѣ, такъ сильно всѣхъ безпокоившей. Взоры присутствующихъ невольно къ себѣ приковывалъ силуэтъ темной башни надъ озеромъ и Мышко—Кровавая шея, смотря на нее, воскликнулъ:

— Уничтожимъ это гнѣздо проклятое! Пусть осада продлится не одинъ—десять мѣсяцевъ, а ужъ гибели-то ему избѣжать не придется!..

— Такъ-то такъ,—замѣтилъ Стиборъ:—но ты кажется забываешь, что вѣдь живъ еще и Милошъ со своимъ отродьемъ, а они той же крови! Да у вѣмцевъ—два княжескихъ сына воспитываются, что отосланы матерью къ дѣду... Какъ пожалуютъ птенчики съ вѣмцами, да наслѣдства потребуютъ—гдѣ тутъ мѣсяцемъ ограничиться, тутъ войну-то считай годами!.. Еслибъ Хвостекъ одинъ...

— Ну, Милоша-то, старика горемъ пришибленнаго, бояться намъ нечего!.. Тотъ какъ дома засядетъ, такъ и съ мѣста не тронется!.. А вотъ съ вѣмцами... дѣло другое!.. Съ ними сдѣлаться—не развяжешься!..

Подобныя предсказанія о продолжительности войны никому не пришлись по вкусу. Каждый вздохнулъ—война отрывала его отъ роднаго угла, неумолимымъ серпомъ косила людей, нарушала спокойствіе, заставляла братья за оружіе тѣхъ, кто привыкъ лишь обрабатывать землю. Но пехода другого не было! Весь народъ проникнулся твердымъ намѣреніемъ не отдыхать до тѣхъ поръ, пока не вернетъ своихъ старыхъ порядковъ и обычаевъ предковъ.

Вдругъ, въ то время какъ старики еще совѣщались, со стороны лѣса грянула хоровая обрядная пѣсня—то женщины и дѣвицы пѣли въ сосѣдней рошѣ. Всѣ умолкли, прислушиваясь къ роднымъ звукамъ.

Это была старинная пѣсня, до того старая, что тогдашняя молодежь только кое-что изъ нея понимала. Въ ней пѣлось о старыхъ, забытыхъ богахъ, о жертвахъ, какихъ уже приносить неумѣютъ!.. Въ ней было возваніе къ ясному солнышку, чтобы оно ниспослало счастливый лучъ на голову постриженного отрока; къ росѣ—чтобы она окрашила его и тѣмъ помогла ему вырости; къ водѣ—чтобы влила въ него силу и мужество; къ землѣ—чтобы юноша росъ какъ дубъ, блисталъ—какъ звѣзда, чтобы нападалъ на враговъ какъ орелъ... Далѣе пѣсня гнала черныхъ злыхъ духовъ и все худое отъ постриженного; по временамъ слышались возгласы: Ладо! Ладо! причемъ мѣрно ударяли въ ладоши. Мать, по обычаю, принесла вѣнокъ, свитый изъ травъ, дающихъ здоровье и счастье, и украсила имъ голову своего любимца.

Едва замерли въ воздухѣ послѣдніе звуки той пѣсни, какъ сейчасъ же возобновились другія съ болѣе веселымъ напѣвомъ. Наконецъ, отецъ поднялся съ мѣста, взялъ за руку сына и просилъ всѣхъ за нимъ послѣдовать—помолиться и принести жертву на могилахъ отцовъ. Когда стали отыскивать чужеземцевъ, чтобы дать имъ почетное мѣсто въ шествіи—ихъ не нашли. Они куда-то исчезли, оставивъ въ избѣ на столѣ подарокъ для Земовида—блестящій золотой крестикъ. Послѣ напрасныхъ розысковъ, Пястъ во главѣ всѣхъ присутствующихъ отправился на могилы предковъ.

По самой срединѣ кладбища возвышались могилы Кошычка, дѣдовъ и прадѣдовъ Пяста. Здѣсь съ незапамятныхъ временъ была семейная усыпальница. Кое-кто изъ гостей выливалъ на могилы принесенное въ чаркахъ вино, а женщины, присутствуя издали, пѣли обрядовую пѣснь. До поздней ночи праздновалось торжество постриженія, прибывали все новые гости... Ужъ звѣзды зажглись на небѣ, когда послѣдній изъ пировавшихъ простился съ радушнымъ хозяиномъ, уходя изъ гостепріимнаго его дома.

Пястъ присѣлъ отдохнуть на крыльцѣ. У порога стояла Рженица.

— Сердце твое, конечно, радуется,—сказалъ ей Пястъ:—что судьба ниспослала нашей сыну столь знаменательное начало жизни, дала намъ принять у себя столько гостей, сколько никогда не видѣла наша хижина?

— Господинъ мой,—отвѣчала Рженица:—и радуется оно, и печалится одновременно... Зайди въ амбаръ посмотришь... У насъ ничего почти не осталось... Муки хватить еще на нѣсколько дней, а дальше-то что?

Хозяинъ улыбнулся.

— Того, что потрачено на гостей, жалѣть нечего! Старинное преданье гласить, что траты такія вернутся сторицею!... Лишь бы война миновала!...

И невольно ихъ взглядъ устремился въ сторону Гопла. На башнѣ пылалъ огонь, а около замка, куда глазомъ ни кинь, расположились лагерь кметы.

ГЛАВА XX.

Мы принуждены вернуться теперь къ совершившемуся за нѣсколько времени до того момента, какъ Мышко велѣлъ зажечь условленные огни.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ, обыкновенно, желавшіе посѣтить храмъ Ніолы путники должны были нанимать лодку, переправлявшую ихъ на островъ, на пригоркѣ, у самаго озера, стояло нѣсколько хижинъ; изъ нихъ какъ внѣшностью, такъ и относительной прочностью постройки, отличалась хижина гончара Мирша. Самого Мирша и его хижину хорошо знали всѣ не только сосѣди, но и живущіе въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ, такъ какъ кметы ни у кого другого не покупали горшковъ, мисокъ и всякихъ иныхъ издѣлій изъ глины. Еще отецъ Мирша, дѣдъ и прадѣдъ его занимались тѣмъ ремесломъ; особенно красиво выдѣлывалъ онъ жертвенные горшки, что впрочемъ нисколько не было удивительнымъ, въ виду того, что весь родъ его, съ давнихъ временъ, исключительно занимался лѣпкою горшковъ. Миршъ былъ человѣкомъ чрезвычайно богатымъ, богаче иного кмета, и всѣ говорили о немъ, что онъ давно могъ бы бросить свое ремесло, потому что всего было у него вдоволь. Миршъ однако не бросалъ своего ремесла; онъ любилъ его и гордился имъ. Не въ одной, такъ въ другой печи, но всегда у него пылалъ огонь; онъ не понималъ, чтобы возможно было даромъ время терять. Кромѣ хижины, въ которой жилъ самъ старикъ и которая была полна всякаго добра, у Мирша былъ еще и большой сарай. вмѣстѣ съ главою семейства жилъ его сынъ, какъ и отецъ называвшійся Миршомъ. Кромѣ него была еще младшая дочь Миля, старшія уже оставили отчій домъ.

Всѣ жены старика Мирша поумирали давно, а было ихъ двѣ; послѣ такой утраты онъ ужъ не захотѣлъ вторично жениться, хотя осуществить это ему было легко: богатый, ласковый въ обхожденіи—всякая женщина съ радостью согласилась бы стать женою такого мужа.

Однажды—а происходило это раньше, чѣмъ кметы возстали на князя, какъ-то недолго послѣ Купалова дня—старикъ сидѣлъ на привѣчномъ мѣстѣ, скрестивъ на груди руки и съ любовью поглядывалъ на свою печь. Мимо

него проходили люди, отправлявшіеся на Ледницу. Нѣкоторые ему кланялись, а другіе, лишь посмотрѣвъ на него, молча продолжали свой путь.

Солнце свѣтило ярко, пчелы и мухи жужжали въ воздухѣ, вѣтеръ стихъ, зеркальная поверхность спокойнаго озера была такъ ослѣпительна, что трудно было глядѣть на нее.

Вдругъ нѣсколько всадниковъ, подскакавъ къ берегу, остановились почти у самага Мирша. Старикъ со вниманіемъ разсматривалъ пріѣзжихъ—людей, лошадей, словомъ все; такая ужь у него была привычка—тщательно изслѣдовать то, что на глаза навернулось. Впереди всѣхъ стоялъ кметъ, богато одѣтый, за нимъ нѣсколько слугъ. Когда онъ сходилъ съ лошади, слуги почтительно подбѣжали помочь ему принять коня. Ни одной лодки не было замѣтно у берега—пришлось подождать. Слуги начали звать рыбака, но онъ былъ еще далеко, хотя услышавъ ихъ, видимо сталъ торопиться.

Пріѣзжій кметъ подошелъ къ Миршу съ привѣтствіемъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь, старикъ?—спросилъ пріѣзжій.

— А ты?—былъ отвѣтъ.

— Я на Ледницу собираюсь, въ храмъ...

— А мнѣ и храма не нужно, для меня всюду есть духи—отвѣтилъ старикъ.—Ты, жуанъ, изъ далекихъ мѣстъ?

Спрошенный указалъ рукою на лѣсъ по ту сторону озера.

— Я Доманъ—сказалъ онъ.

Старикъ посмотрѣлъ на него и прибавилъ:

— А я гончаръ Миршъ.

Наступило продолжительное молчаніе.

— Вы, кажись, разорили башню надъ озеромъ и князя поколотили?—спросилъ, наконецъ, Миршъ.—Вы, что-то, какъ слышно, на него, а онъ на васъ, зубы острите?

— Пока еще нѣтъ,—отвѣтилъ Доманъ.

— И думаете остаться безъ князя?—продолжалъ старикъ.—Пчелы, и тѣ безъ матки въ ульѣ и дня не проживутъ...

— Вѣрно—согласился Доманъ.—Но мы одного выгонимъ, а другого поставимъ, лишь бы было согласіе.

— Согласіе! да!—замѣтилъ Миршъ.—Нужно чтобы вы сдумѣли его устроить... Дѣлайте вотъ какъ я дѣлаю: глина одна распадается, а съ прибавкою къ ней воды можно сдѣлать горшокъ. Вотъ вы и поищите-ка воды этой самой...

Доманъ не отвѣтилъ на это. Миршъ ворчалъ себѣ подъ носъ:

— Тронете съ мѣста Хвоста и выйдетъ бѣда... Онъ наведетъ вамъ нѣмцевъ, поморцевъ...

— Прогонимъ ихъ!

— Да! Когда вамъ поля разорять, а мнѣ горшки перебьютъ!—замѣтилъ Миршъ усмѣхаясь.

Затѣмъ онъ встряхнулъ головою и сталъ безцѣльно смотрѣть на озеро. Въ эту минуту лодка причалила къ берегу. Доманъ подошелъ къ ней.

— Это ты такъ-то въ храмъ—безъ всякаго дара? удивился Миршъ.

— Хочется тебѣ, чтобы я горшокъ купилъ!—сказалъ Доманъ.

— Миѣ этого вовсе не нужно, а тебѣ пригодилось бы,—замѣтилъ Миршъ.

— Но ты вѣдь ихъ даромъ не отдаешь?

— Иногда—загадочно отвѣчалъ старикъ и ударилъ въ ладоши.— Сегодня такой ужъ день, я дамъ тебѣ даромъ горшки, только поставь ихъ передъ Ніолою...

На зовъ старика явился сынъ его, уже пожилой человѣкъ, который безъ словъ, по движенію лишь руки старика, понялъ чего ему нужно было. Немного спустя онъ вынесъ изъ сарая нѣсколько небольшихъ сосудовъ, которые и отдалъ Доману.

Въ тѣ времена, поляне были уже знакомы съ употребленіемъ денегъ, хотя ихъ сами не дѣлали. Деньги, съ давнихъ поръ, приносили и привозили къ нимъ тѣ, что, слѣдуя по окраинамъ полянской земли съ юго-запада, пріѣзжали за янтаремъ. Римскія греческія и арабскія деньги тоже встрѣчались здѣсь въ обращеніи. Доманъ, имѣя при себѣ нѣсколько такихъ серебряныхъ знаковъ, хотѣлъ одинъ изъ нихъ дать Миршу, но старикъ отказался.

— Поставь это отъ моего имени,—сказалъ онъ и уѣхалъ на прежнемъ мѣстѣ.

Доманъ вошелъ въ лодку; полунагой перевозчикъ, весь волосами обросшій, взялся за весла; напѣвая какую-то пѣсенку онъ отчалилъ отъ берега.

У священнаго огня въ храмѣ Ніолы сидѣла Дива. Здѣсь, несмотря на невыносимую жару на дворѣ, было прохладно. Огонь горѣлъ слабымъ пламенемъ. Легкая струйка дыма прямо возносилась подъ крышу, и тамъ, чрезъ отверстіе, выходила наружу. На камняхъ, вокругъ жертвенника, сидѣли три женщины. Двѣ изъ нихъ спали, третья поддерживала огонь. Эта третья—была Дива.

Въ вѣнкѣ, окутанная прозрачною бѣлою тканью, съ волосами небрежно распущенными—Дива, среди полумрака еѣ окружавшаго, казалась видѣніемъ. Въ храмѣ, кромѣ трехъ женщинъ, никого больше не было.

Дива неподвижно сидѣла; она мечтала о прошломъ... Вдругъ занавѣсъ, тихо шурша, приподнялся... Дива обернулась на шорохъ, вскрикнула и упала безъ чувствъ.

У входа стоялъ убитый ею Доманъ. Дивѣ представилось, что духъ его снова вернулся на землю.

Двѣ спящія жрицы проснулись, но не могли сразу понять происшедшаго. Доманъ, между тѣмъ, подбѣжалъ къ красавицѣ, поднялъ ее съ земли и держалъ на рукахъ

Дива открыла глаза и сейчасъ же закрыла ихъ, всеми силами стараясь освободиться изъ рукъ Домана. Она теперь убѣдилась, что Доманъ живъ, но боялась, что онъ пришелъ отомстить ей даже у жертвенника.

Дива вскрикнула—Доманъ отступилъ и остановился въ самомъ темномъ углу. Проснувшіяся женщины подкладывали лучины въ костеръ; огонь освѣтилъ внутренность храма. Дива не могла оторвать глазъ отъ стоящаго у входа Домана.

— Не опасайся меня,—проговорилъ онъ:—я ничего дурного тебѣ не сдѣлаю; мнѣ мести не нужно! Я хотѣлъ тебя видѣть и убѣдить что я живъ. Для этого только я и пришелъ..

— Выйди отсюда, умоляю тебя,—произнесла Дива, поднимаясь съ земли.—Я вслѣдъ за тобою сейчасъ приду, скажу тебѣ все—я не виновна!..

Доманъ, послушный ея мольбѣ, вышелъ; занавѣсь, зашуршавъ, опустился. Дива наполнила воды изъ священнаго родника, и медленно вышла изъ храма.

Неподалеку, за вторымъ заборомъ, стоялъ Доманъ. Она примѣтила его издали. Онъ былъ еще блѣденъ, но жгучая страсть по прежнему искрилась въ его глазахъ.

Дива съ робостью подошла къ нему.

— Ты можешь меня убить,—сказала она.—Я защищаться не буду. Я не могла жить съ тобою... я дала клятву богамъ и духамъ!..

Доманъ грустно смотрѣлъ на нее: она казалась ему теперь еще красивѣе прежней Дивы, которую силою хотѣлъ онъ заставить отдаться ему!..

— Дива,—обратился онъ къ ней:—подобная жизнь равняется смерти, а боги и духи!..

Онъ боялся докончить.

— Что за жизнь безъ людей?—продолжалъ онъ:—у меня ты нашла бы другую жизнь: домъ, семью, защиту, все, все, что только бы вздумала пожелать... Кто запретилъ бы тебѣ приносить жертву богамъ у вѣлюча, или на распутии бесѣдовать съ духами?..

— Духи также ревнивы, какъ и люди—отвѣтила Дива, всматриваясь съ отгѣнкомъ тревоги въ лицо Домана:—духамъ и людямъ вмѣстѣ служить нельзя... Вѣнокъ мой первымъ принадлежить!..

Доманъ хотѣлъ приблизиться къ ней,—она отступила!.. Человѣкъ стоявшій предъ нею, говорившій съ нею безъ злобы, человѣка, котораго она хотѣла убить, возбуждалъ въ ней странныя чувства: боязнь, сожалѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ—состраданіе.

— Прости мнѣ поступокъ мой, говорила она:—я тогда не знала что дѣлала!.. я защищалась!.. Если хочешь мнѣ отомстить, бери мечъ и убей меня!.. только такъ, чтобъ не мучиться!.. Но прости и братьямъ моимъ и всѣмъ моимъ родственникамъ!.. Смерти я не боюсь! Вмѣстѣ съ духами буду я странствовать по вѣчно зеленымъ лѣсамъ и лугамъ!..

Доманъ пожалъ плечами.

— Дива!—сказалъ онъ.—Неужели жъ ты думаешь, что я въ состоявіи поднять на тебя руку, я—готовый вторично рѣшиться силою увезти тебя, увезти хотя бы изъ храма Ниолы, хотя бы мнѣ снова нанесены были раны, но только бы обладать тобою!..

Дива покраснѣла.

— Это невозможно—проговорила она тихимъ голосомъ,—это невозможно...

— Мнѣ жаль тебя—продолжалъ Доманъ:—другой я любить не могу. Знаешь, я подкрадывался къ вашему дому, старался увидѣть твою сестру... Я ее видѣлъ, когда она выходила на дворъ хлопотать по хозяйству; она безспорно красива, мила, но такими наполненъ свѣтъ... Я такихъ не хочу!

Пока Доманъ говорилъ, Дива все время смотрѣла ему въ глаза, безсознательно повторяя:

— Нѣтъ—невозможно! Этому не бывать!..

Онъ продолжалъ нашептывать Дивѣ свои тихія жалобы; — она дѣлала видъ, что и слушать его не хочетъ, въ сердцѣ же ея произошла странная, непонятная переменѣна. Что то влекло красавицу къ этому человѣку, быть можетъ именно то, что она едва его не убила. Она и сама не знала что съ нею дѣлалось, кромѣ развѣ того, что инстинктивно она боялась мести ревнивыхъ духовъ.

Несмотря однако на такую опасность, что-то продолжало тянуть ее къ Доману; приковывали къ нему Диву и сѣрые выразительные глаза его, и ласковый голосъ, и та доброта, роди которой онъ давно ужъ оставилъ мысль отомстить ей или ея братьямъ.

Дива краснѣла, опускала глаза... Она охотно бы убѣжала и въ то же время чувствовала, что сдѣлать не въ состояніи. Она стояла какъ пригвожденная къ землѣ—вся подъ вліяніемъ взоровъ Домана. Ею овладѣлъ страхъ; бѣдная, не могла даже говорить.

— Прошу, уходи отсюда, оставь меня — проговорила она наконецъ съ трудомъ,—уйди и не возвращайся!..

— А если бы я вернулся? спросилъ Доманъ.

Дива смотрѣла внизъ и не отвѣчала.

— Ты же сама говорила,—прибавилъ онъ:—что я имѣю право отнять у тебя жизнь... Да, я бы могъ отомстить тебѣ, братьямъ твоимъ, твоему роду—однакожь, возможностью этой я не воспользовался!

— Убей меня!—повторила Дива.

— Жаль было бы погубить такое очаровательное созданіе—отвѣтилъ Доманъ улыбаясь—нѣтъ, нѣтъ! Но если когда-либо, я вернусь сюда, если попрошу хоть взглянуть на тебя—позволятъ ли мнѣ?..

Дива вздрогнула, вся покраснѣла, закрыла лицо платкомъ и вмигъ убѣжала къ священному огню.

Долгимъ взглядомъ провожалъ ее Доманъ, долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, словно не въ силахъ былъ двинуться, наконецъ, повернулся и пошелъ бродить по острову.

Старуха, старожившая главный храмовой входъ, указала Доману, гдѣ живетъ Визунъ. Старикъ сидѣлъ у дверей своей хижины и кормилъ голубей, которые то кружились вокругъ него, то спускались на землю. Увидя приближавшагося къ нему Домана, старикъ съ раскрытыми объятіями подбѣжалъ къ нему.

— Такъ я и зналъ! воскликнулъ онъ съ радостью—Не погибъ ты отъ женской руки!

Доманъ смѣясь растегнулъ рубаху и показалъ на груди широкую, еще не зажившую рану.

— А, проклятая волчиха!—сказалъ старикъ, обнимая Домана.—Сколько у нея силы! А знаешь, она вѣдь здѣсь? Что жъ, отомстить ей хочешь?

— Я ее видѣлъ—отвѣтилъ Доманъ:—говорилъ даже съ нею; о мести же я и не думаю. Я Диву люблю до сихъ поръ, несмотря на то, что она меня знать не хочетъ. Она говоритъ, что принесла себя въ жертву духамъ.

— Найдешь другую, объ этой забудешь... Взять ее силой отсюда нельзя—продолжалъ Визунъ.—Всѣ онѣ на одинъ покрой: цвѣтутъ пока молоды, а состарятся — по шипамъ только и вспомнишь о цвѣтѣ... Избери другую... Женщина, конечно, нужна, безъ женщины человѣку обойтись невозможно...

— Отецъ мой—отвѣтилъ Доманъ—не сердись на меня: другія женщины мнѣ не нравятся...

— Попробуй сперва—убѣждалъ Визунъ:—тамъ увидишь!.. Молодежь вѣчно возится съ страстью, не зная какъ скоро она исчезаетъ... Ты до тѣхъ поръ объ этой не перестанешь думать, пока не подвернется тебѣ другая!....

Какъ ни оспаривалъ Доманъ подобные доводы, старикъ стоялъ на своемъ. Наконецъ, послѣ цѣлаго дня бесѣды, прогулокъ по острову, они обнялись и расстались. Доманъ сѣлъ въ лодку чтобъ переправиться на другой берегъ. Тамъ онъ засталъ стараго Мирша, на прежнемъ мѣстѣ, подъ деревомъ.

Миршъ, замѣтивъ выходившаго на берегъ изъ лодки Домана удивился его возвращенію. Доманъ подошелъ къ нему.

— Эй, старикъ,—обратился Доманъ къ Миршу:—нельзя ли чѣмъ подкрѣпить свои силы и переночевать у тебя?

— Какъ отказать?—сказалъ старикъ. — Хотя бы ты и не былъ кметомъ или жупаномъ, хижина, вѣдь, для того, чтобы гостей принимать.... Пойдемъ.

И оба вошли въ избу.

Какъ разъ въ это время собирали ужинъ и дочь Мирши—Миля высматривала въ окно, не идетъ ли отецъ. Доманъ увидѣлъ передъ собою такую красавицу, что просто не могъ оторвать глазъ отъ нея. Миля была дѣвушка избалованная; она любила наряды, рѣдко занималась хозяйствомъ—развѣ по необходимости; все ее занятіе ограничивалось вышиваньемъ полотенецъ красными нитками, да изрѣдка прялкою. Дѣвушка знала о томъ, что хороша собою.

Взгляды Домана и Миршовой дочери встрѣтились. Какъ то оно такъ случилось, что оба одновременно покраснѣли. Милѣ понравился красавецъ жупанъ или кметъ, а ему подумалось, что Миля замѣчательно хороша со-

бою — и не ей ли суждено, какъ хотѣлось Визуну, излечить Домана отъ его страсти?

Доманъ и Миршъ вошли въ хижину. Столъ, покрытый бѣлыми полотенцами занималъ середину покоя. Миля прислуживала сама; она приносила миски и кружки, и каждый разъ, какъ входила, не могла удержаться, чтобъ изподтишка не взглянуть на гости. Этотъ тоже въ долгу не остался. Разъ даже Миля улыбнулась, показавъ изъ-за полуоткрытыхъ пунцовыхъ губокъ два ряда бѣлыхъ зубовъ. Миля всегда и въ будни была разряжена; на пальцахъ у нея блестѣли серебряныя кольца, нѣкоторыя украшенныя дорогими камнями; платье было застегнуто красивою пуговицею, въ ушахъ кольца, въ волосахъ булавки, на головѣ вѣнокъ, въ глазахъ смѣхъ и веселье—вотъ украшенія Миля.

— Встрѣтся я съ нею раньше,—думалъ про себя Доманъ: — можетъ быть и рѣшился бы взять ее въ жены.

Ужиная, мужчины оживлено болтали. Когда ужъ не надо было ни кушанья приносить, ни убирать со стола, молоденькая хозяйка ушла въ смежный покой и оттуда, стоя у полуоткрытой двери, на случай отецъ позоветъ, любовалась на молодого гостя.

— Эхъ, взялъ бы ты меня, — говорили ей шаловливыя глазки:—я бы не противилась долго.

Совершенно уже стемнѣло, когда Доманъ отправился въ сарай, гдѣ для него была приготовлена постель. Миршъ позвалъ къ себѣ дочь и пригрозилъ ей:

— Эй, ты стрекоза,— что тебѣ вздумалось глазки то дѣлать эдакимъ людямъ! Онъ не изъ тѣхъ, что горшки лѣпятъ, а изъ тѣхъ, что ихъ бьютъ... Тебѣ онъ не пара...

— Да я не глядѣла на него!

— Неправда; только все же онъ не для тебя. Такихъ какъ ты дома-то у него почитай шесть на выборъ; иль захотѣлось седьмою быть?

Миля нахмурилась. Отецъ прибавилъ.

— А завтра утромъ, какъ будетъ онъ уѣзжать, смотри, чтобъ тебя здѣсь не было, слышишь.

На слѣдующій день Доманъ всталъ очень рано; лошади стояли наготовѣ; онъ присѣлъ на скамью.

— Что то не хочется ѣхать... Жара будетъ сегодня!..

— Подожди осени,—дождешься ненастья,—возразилъ Миршъ: — я же тебя не гоню?..

Не отвѣтивъ ни словомъ, Доманъ медленно подошелъ къ водѣ. Лодки стояли у берега... Словно въ раздумьи сѣлъ онъ въ лодку и поѣхалъ на Ледницу.

Миля замѣтила, когда Доманъ вышелъ. Она подбѣжала къ забору и смотрѣла въ щель на уходящаго гостя. Отецъ, наблюдавшій за дочерью, разсердился, но промолчалъ... Лодка была уже далеко...

Въ храмѣ Нюлы сидѣла Дива у священнаго пламени... Отъ него, ка-

залось, не могъ оторваться томный взглядъ ей глазъ... Кромѣ него она ничего не видѣла... Между тѣмъ храмъ былъ полонъ... Глухой гулъ раздавался подъ его сводами... Старый гуслирь ворожилъ, принимая жертвовація... Сѣдовласая знахарка раздавала травы...

Зававѣсь приподнялся... Доманъ стоялъ передъ Дивою. Вся покраснѣвъ, она отвернула голову и еще пристальнѣе стала смотрѣть на огонь. Доманъ не двигался: онъ разсматривалъ обстановку окружавшую Диву.

По прошествіи нѣкотораго времени Дивѣ пришло на умъ, что ей непременно слѣдуетъ еще разъ подтвердить Доману о томъ, чтобы онъ больше не возвращался. Поднявшись съ мѣста, она вышла изъ храма. Доманъ послѣдовалъ за нею и они встрѣтились въ уединенномъ мѣстѣ, между оградами храма. Кругомъ никого не было... Внезапно Доманъ обхватилъ ее сильными руками и крѣпко поцѣловалъ въ лицо и губы. Дива вскрикнула, набросивъ на лицо покрывало... Когда она рѣшилась поднять его—Домана уже не было.

Онъ убѣжалъ. Раздраженная дѣвушка поспѣшила вернуться въ храмъ, чтобы сейчасъ же вымыть лицо священной водою, но поцѣлуй горѣлъ на ея губахъ, не смотря ни на что... Чѣмъ крѣпче она вытиралась, тѣмъ сильнѣе сказывалось жгучее ощущение... Слезы брызнули у нея изъ глазъ... Ой, судьба ты, моя судьбина!

Дива бросила взглядъ на мрачный истуканъ богини Ніолы... Красные глаза его сердито уставились на дѣвушку... Казалось, они обѣщали ей мечь за поруганные обѣты... Огонь въ священномъ кострѣ еле мерцалъ. Дива подбросила дровъ... Посторонние начали выходить изъ храма, напѣвая пѣсню о Ладѣ и Ніолѣ...

Вслѣдъ за другими вышла изъ храма и Дива; исполнѣ безотчетно начала она пѣть... Пѣла она какую-то пѣсню, слышанную ею еще въ дѣтствѣ.

Доманъ, между тѣмъ, бродилъ по острову... Онъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать съ собою, куда идти—домой ли, къ Миршу, или здѣсь оставаться... Ему было какъ-то не по себѣ...

Неожиданно встрѣтился съ нимъ Визунъ.

— Ты еще здѣсь?—спросилъ послѣдній.

— И самъ не знаю, какъ я опять попалъ на островъ, — отвѣтилъ Доманъ.

— Гдѣ же ты ночевалъ?

— У гончара, у котораго дочь красавица...

— Такъ и бери ее, а за нашей, что даромъ ухаживать-то!.. Она, вѣдь, тебя отвергла!..

— Кто ихъ тамъ разберетъ... а какъ и новая вдругъ не захочетъ?..

— Дочь у гончара-то не захочетъ имѣть мужемъ жупана?—улыбнулся Визунъ.—Однако ужъ вечеръ, возвращайся къ Миршу... Такъ оно хорошо и выйдетъ!..

Доманъ зѣвнулъ, выказалъ было нерѣшительность, но махнулъ рукою и направился къ лодкѣ. Сидя въ лодкѣ онъ думалъ:

— Старики знаютъ, что надо дѣлать. Лучше сразу ужь... что толку-то эдакъ мучиться...

Миршъ, какъ всегда, отдыхалъ подѣ любимымъ деревомъ.

— За весь день только и было пищи у меня во рту, что древесные листья, — сказалъ Доманъ Миршу, здороваясь съ нимъ. — Голоденъ какъ собака. Сжался надо мной и сегодня, я тебѣ дамъ медвѣжьё шкуру... Будешь на ней отдыхать словно князь!..

— Шкуру оставь себѣ, сѣно лучше вашихъ шкуръ, — отвѣтилъ старикъ: — а въ хату зайти — милости просимъ!

При этихъ словахъ старикъ указалъ рукою по направленію къ жилищу.

Миля уже давно, еще когда Доманъ плылъ въ лодкѣ, узнала его... Она радостно хлопала въ ладоши, привела въ порядокъ свою одежду, пригладила волосы — все это съ цѣлью привлечь на себя вниманіе Домана.

— Отецъ говоритъ, что у него цѣлыхъ шесть женщинъ, — рассуждала она про себя. — Такъ что жь? Я заставлю его меня лучше всѣхъ полюбить. Выгоню всѣхъ. Развѣ не молода я? Иль не красива?.. Эй, верхомъ на лошади, въ черномъ колпачкѣ, цѣпочки на груди и на плечахъ — это я, жупанова жена! Кланяйтесь своей госпожѣ!

Она вбѣжала въ свѣтлицу — еще никого не было... Снова вернулась къ себѣ...

— Ахъ, какъ я на него взгляну, какъ взгляну!.. Онъ долженъ будетъ взять меня за себя! Эй, цвѣтки, мои цвѣтки... Былъ бы у меня любчиковъ цвѣтъ, я бы ему непременно дала напитокъ... Онъ бы и сна лишился, ѣсть пересталъ, обо мнѣ думаючи!..

Она еще не кончила этихъ словъ, какъ тутъ же за дверью послышалось пѣніе... Миля поспѣшила къ окну... По дорогѣ отъ озера плелась Яруха, вѣдунья, знавшая всѣ приворотныя травы...

Миля выбѣжала на встрѣчу старухѣ и начала звать ее къ себѣ.

— Э, э! — смѣялась старуха. — Вотъ оно счастье какое, что понадобилась я такой красавицѣ!

Яруха присѣла къ забору. Миля зардѣлась, закрывая лицо передникомъ.

— Дорогая Яруха, — шепнула она вѣдуньѣ: — ты все, вѣдь, знаешь, правда?..

— Ой, ой! какъ не знать? — отвѣчала старуха, пристально всматриваясь въ красавицу. — Голубка ты моя! Все я знаю, даже и то, что хочется тебѣ сильно красавца парня!

Миля пуще зардѣлась и, наклонившись къ Ярухѣ, шепнула ей на ухо:

— Дай любчика!.. Что хочешь тебѣ отдамъ...

— Тебѣ-то! — смѣялась старуха. — Да, ты сама любчикъ... Кто бы не захотѣлъ тебя полюбить, будь онъ хоть князь!.. развѣ слѣпой?..

— Дай мнѣ, дай что прошу у тебя! — повторяла Миля, отрывая серебряную пуговку отъ рубашки и суя ее въ руку старухѣ. Яруха стала развязывать узелъ свой и перебирать травы, которыя всегда при себѣ имѣла.

Миля, дрожа всѣмъ тѣломъ, робко оглядываясь по сторонамъ, съ нетерпѣніемъ ждала.

Какую-то высохшую траву Яруха подала дѣвушкѣ.

— Сдѣлай изъ этого порошокъ и дай ему въ чемъ-нибудь его выпить, а какъ станетъ пить, то смотри ему прямо въ глаза, да не смѣй моргать! Разъ сморгнешь—все пропадетъ...

Добившись желаемого, Миля скрылась... Едва успѣла она вбѣжать въ хату и бросить наскоро измельченную траву въ чарку, предназначавшуюся для гостя—какъ Миршъ и Доманъ вошли въ свѣтлицу.

Отецъ велѣлъ подать ужинъ—Миля немедленно исполнила его приказаніе. Доманъ не говорилъ ни слова; онъ сидѣлъ у стола, подперевъ голову рукою... Хозяинъ налилъ меду въ одну изъ чарокъ...

Миля думала про себя:

— Пускай отецъ сердится! Хотя бы и ударилъ, такъ что жъ?..— Она подбѣжала къ столу, взяла въ руки другую чарку, налила въ нее меду и поднесла Доману, смотря ему прямо въ глаза. Доманъ привялъ изъ ея рукъ чарку и началъ пить... Миля, не моргнувъ, уставилась на него, не обращая вниманія на знаки отца.

Доманъ залпомъ выпилъ медъ.

Миля покраснѣла какъ вишня и выбѣжала изъ свѣтлицы.

— Теперь ужъ онъ мой, вполне мой!—кричала она и едва не забила въ ладоши.—Яруха все знаетъ!..

Въ этотъ вечеръ старый Миршъ не былъ расположенъ къ болтовнѣ... Оба—хозяинъ и гость молчали...

Вечеромъ разразилась страшная буря, дождь полилъ, какъ изъ ведра, громъ грохоталъ безъ умолку, молніи одна за другою падали въ озеро. Доманъ отправился отдыхать въ сарай. До полуночи бушевали стихіи, а люди, несмотря на грозу, спали крѣпчайшимъ сномъ.

У небольшого окошечка хаты кто-то остановился; кто-то другой открылъ изнутри ставню... Двое этихъ людей тихо бесѣдовали, но сильный вѣтеръ не пропускалъ ни единого слова за предѣлы окошка и ставни... Долго шептались бесѣдовавшіе, почти до самаго утра; а кто знаетъ о чемъ они совѣщались и на чѣмъ порѣшили?..

Подъ конецъ уже проговорилъ голосъ въ окошкѣ:

— Сватовъ нужно прислать, отца просить, иначе я не уйду изъ дому, не оставлю отца одного!

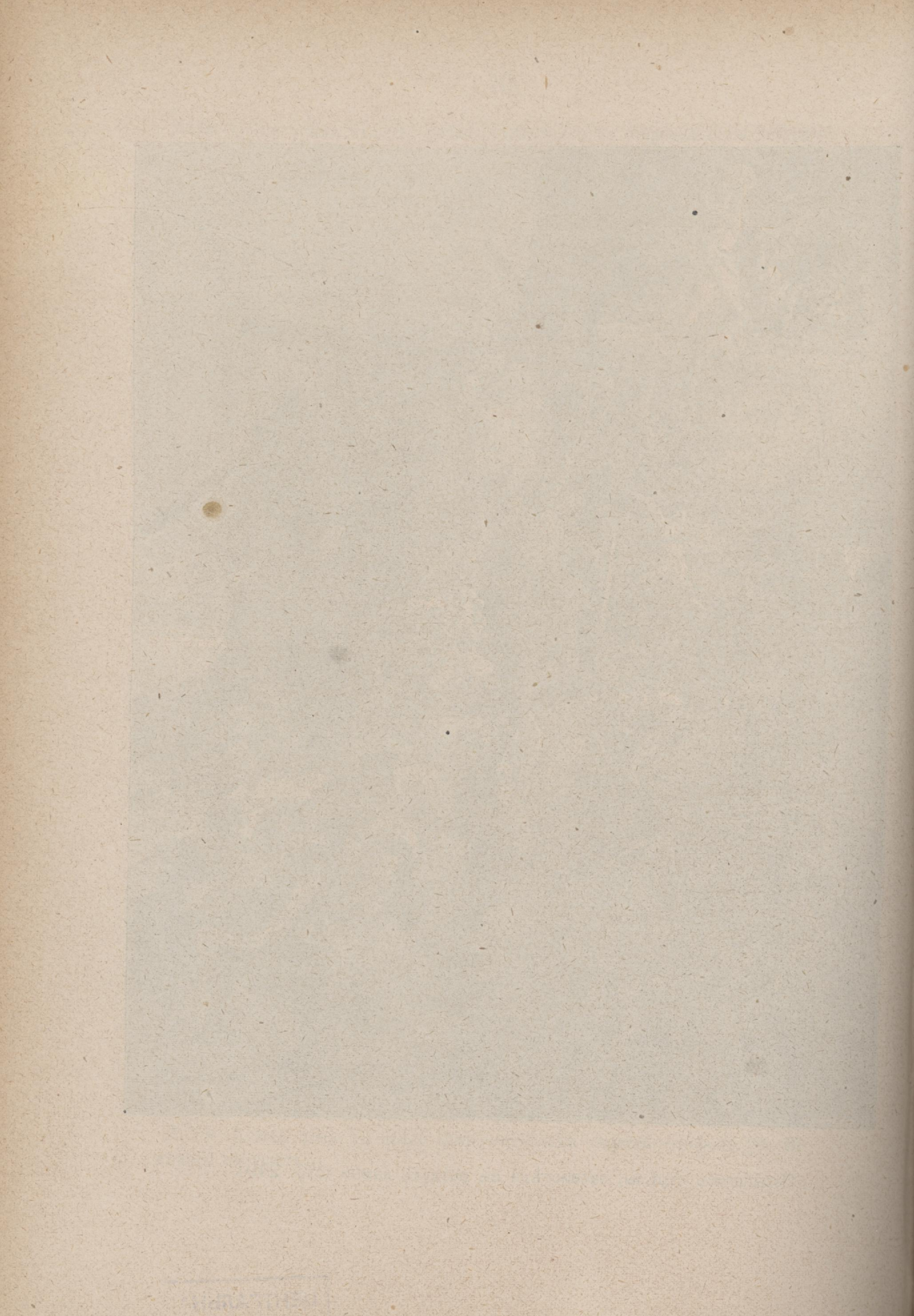
На слѣдующій день, послѣ бури, дороги стали скользкими, всюду виднѣлись громадныя лужи, ручьи стремились потоками въ озеро... По небу, беспорядочными клочками, низко мчались сѣрыя тучи... На дворѣ, что называется, парило, хотя солнца и не было видно... Все предвѣщало дождь.

— Отецъ Миршъ!—обратился Доманъ къ старику:—я сегодня домой не поѣду... Дороги скользки, лошади падаютъ.

— А жди хоть до самой зимы,—отвѣчалъ старикъ:—морозъ ужъ навѣрное высушитъ...

Посыпались стрѣлы, засвистѣли въ воздухѣ камни (стр. 249).

Доманъ остался у Мирша. Онъ сѣлъ надъ водою и думалъ какъ ему быть и что дѣлать? Миля внимательно слѣдила за нимъ глазами. Миршъ сидѣлъ подъ вербою и ворчалъ что-то подъ носъ. Только вечеромъ рѣшился Доманъ подойти къ нему.

— Старикъ отецъ—сказалъ Доманъ:—если сватовъ моихъ не прогонишь горохомъ, я къ тебѣ ихъ пришлю...

— А сколько женъ у тебя?—спросилъ Миршъ.

— Ни одной.

Миршъ посмотрѣлъ на него.

— Дочь моя достойна быть женою жупана... Въ жены отдамъ, иначе —не спрашивай! Присылай сватовъ по старому обычаю...

Доманъ поклонился Миршу.

— Ёду теперъ домой, сватовъ пришлю,—быть по твоему, хозяйинъ.

Доману вдругъ какъ-то легче на душѣ стало, хотя временами ему и думалось:—Эй, старый Визунъ, будетъ ли это лекарство иль ядъ? Беру не ту, о которой мечтаю, сваты не тамъ, гдѣ сердце!

Старый Миршъ указалъ рукою по направленію лѣса. Вечерѣло. Надъ лѣсомъ разгорались зарева—одно, другое... десять со всѣхъ сторонъ. Доманъ замѣтивъ зарева, крикнулъ:

— Огни! На войну сзываютъ людей!

Люди его, столпившись, кричали:

— Война! Война!

Начали суетиться, а Доманъ тихонько пробрался во дворъ и постучалъ въ маленькое оконце.

— Красавица—дорогая! Прощай голубка! Огни на горахъ зажгли; я долженъ идти воевать. Когда вернусь—сватовъ пришлю. Я ужъ просилъ отца—ты будешь моею!

Смѣхъ или плачъ былъ отвѣтомъ на эти слова—можетъ и то и другое?

— О, соколъ мой ясный! Возвращайся скорѣе, цѣль и невредимъ! Здѣсь я буду сидѣть, на небо буду глядѣть и плакать, пока не вернешься, пока не увижу сватовъ.

— Въ дорогу! крикнулъ Доманъ своимъ людямъ. Прощай хозяйинъ, благодаримъ тебя; не время отдыхать, когда горятъ огни. Прощайте всѣ!

Они уѣхали. Долго еще издали доносился лошадиный топотъ; Миршъ смотрѣлъ на небо, на зарево. Миля плакала, обтирая фартукомъ слезы. Сквозь нихъ, однако, свѣтила улыбка, а сердце такъ крѣпко, крѣпко билось...

— Онъ вернется! Сваты пріѣдутъ! Онъ будетъ моимъ, онъ долженъ моимъ быть!

